

The background of the cover is a detailed illustration. In the upper right, a woman with long, flowing blonde hair and a dark, hooded cloak holds her right index finger to her lips in a 'shh' gesture. In the lower left, a man in Roman-style armor, including a breastplate, greaves, and a red cape, stands holding a sword. In the foreground, a pregnant woman with long dark hair and bangs, wearing a bright green sleeveless dress, sits and cradles her belly. She has a dark, mechanical-looking device on her left wrist. The background features a large, ornate golden gear or sun-like symbol in the upper left and dark, swirling smoke or clouds on the right.

Тигринья

ВОРОБЫШЕК.
ИСТОРИЯ «ДОРОГОЙ МАМОЧКИ»

Тигринья Тигринья Воробышек. История «дорогой мамочки»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10325264
ISBN 978-5-4474-1124-4*

Аннотация

Она родилась в резервации. У неё нет имени, только символ генетической линии и реестровый номер. У неё нет собственности. К ней обращаются, говоря: «дающая миру жизнь», а за глаза её называют «дорогая мамочка».

Любой патриций умрёт, чтобы её спасти. Любой житель Республики обязан её спасать, даже ценой собственной жизни.

Она на полном государственном обеспечении. От неё требуется только одно: рожать детей от кого скажут.

Смирится ли она со своим положением?

И удастся ли ей его изменить?

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Баронесса	6
Глава первая	6
Глава вторая	23
Глава третья	39
Глава четвёртая	54
Глава пятая	70
Глава шестая	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Воробышек. История «дорогой мамочки» (к вопросу о происхождении некоторых знатных родов) Тигринья

*Храните от боли усталые нервы, не слушайте
бредни*

*Об этой любви, что кажется первой, а стала
последней.*

*Сырой и тревожной для леса и поля порой
облетанья*

*Менять невозможно по собственной воле среду
обитанья.*

Александр Городницкий. Система Декарта

© Тигринья, 2015

© Елизавета Метлинова, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Пролог

– Бабушка! Я нашёл новую балладу!

– Алек, ты меня удивляешь! Ты до сих пор собираешь эти песенки?

– А что такого? Они красивые и романтические.

– Всё было совсем не так.

– А как? Как вы познакомились с дедушкой?

– Я и ещё четверо человек выполняли поручение короля Айриса Четвёртого Милостивого...

– Это которого дедушка потом убил, и отправился за тобой на звёзды, и забрал тебя оттуда, потому что вы были предназначены друг для друга!..

– Алек... Чисто из интереса... Какие книги ты читаешь?

– Бабушка, ну причём здесь книги! Все в Империи знают, что дедушка увидел тебя во сне, и ждал долгие годы, а когда ты пришла со звёзд, он тебя сразу узнал, и отдал тебе своё сердце, и...

– Стоп! Эту версию истории нашей семьи пересказывать мне не надо! Я её слушаю ежегодно на официальных торжествах. Каждый менестрель считает своим долгом написать балладу на эту тему.

Вспомнилась промозглая сырость... Голые ветки облетевших деревьев... И... чёрные крылья распахнувшегося плаща... И насмешливое «может быть, позже...»

Часть первая. Баронесса

*Мы в такие шагали дали, что не очень-то
и дойдёшь*

*Мы в засаде годами ждали, невзирая на снег
и дождь*

*В ледяной воде мы не плачем. И в огне почти
не горим.*

*Мы охотники за удачей, – птицей цвета
ультрамарин.*

Андрей Макаревич. Синяя птица

Глава первая

**О том, как пятеро заключённых
получили особо важное задание,
а также о том, почему среди
заключённых средневековой
тюрьмы оказалась женщина
из другого мира, и ещё коротенькая
справка об этой женщине.**

– Всех вас, бродяг, следует повесить. Но! Король милостив. Он даёт вам ещё один шанс. Более того: выполните по-

ручение, получите дворянство.

– Предпочитаю звонкую монету.

Бесшабашная улыбка, весело блеснувшие голубые глаза... Удар древком копья в спину, и мы пятеро повалились на каменный пол. Цепь-то общая! Воистину «язык твой – враг твой». Рассадила ладони и колени разбила. Кто этого чудака на букву «м» за язык всё время тянет?!

Молчу. Женщине в этом мире полагается молчать. Если, конечно, она не уличная торговка: «А вот кому горячие пирожки?! С пылу с жару, медяк за пару!» А чужеземка, не входящая ни в одну из многочисленных банд королевства... Что говорить! Бесправная добыча любого желающего развлечься. К счастью, я абсолютно непривлекательна по местным меркам. Здесь ценятся женщины рубенсовского типа: «берёшь в руку, маешь вещь!» А я невысокая, непышная, несексуальная, неприметная... Сплошное «не».

Ага, и не до секса мне сейчас. Моё дело продержаться в этом мире полгода и не сдохнуть. Такие условия. Приз? Приз достойный. Изменение статуса и право на обучение в корпусе разведчиков Внеземелья. А это – круто! Доступ к закрытым знаниям и умениям дорогого стоит.

Амуниция – прибор, вмонтированный в кольцо, сплетённое из кожаных ремешков, дающий возможность усвоить два разных языка. Мой пока использован наполовину. Все встреченные мной люди говорят на одном языке. Жаргоны осваивать придётся самостоятельно. По фене ботать при-

бор не умеет. И всё. То есть абсолютно. Плетёное колечко на пальце – это и одежда, и обувь, и средство передвижения... Язык до Киева доведёт, короче.

Жизнь в новом мире пришлось начать с воровства. Или это грабёж? Раздела пугало. А что делать? Я не волшебник, и даже не учусь на волшебника. Тряпье выстирала с глиной и выполоскала в ручье. Про глину прочитала в каком-то приключенческом романе. После того как тряпки высохли, их уже не узнать. С первого взгляда во всяком случае. Да, наверное, и со второго тоже. Вот и славно. Теперь хотя бы можно передвигаться вдоль дороги, не особенно опасаясь, что меня увидят.

Добралась до города. По пути, слушая разговоры, вкратце ознакомилась с миром, в котором мне надо прожить полгода. Феодализм. Махровый. Несколько королевств, каганаты в степях, в горах – вольные бароны. Если в королевствах и каганатах есть видимость законов, то в вольных баронствах ничего отягощающего совесть нет. Право сильного в чистом незамутнённом цивилизацией виде.

Короче, любой главарь банды может закрепиться в горах и назвать себя бароном, а свою банду соответственно – баронской дружиной. И брать дань за проезд по своим землям. Учитывая немногочисленность проходимых для караванов троп, – прибыльное занятие. Всего баронств девятнадцать. По числу дорог. Некоторые объединяются, потом дробятся.

Беспрерывно воюют между собой и с внешним миром. В общем, не скучают. Важно: тот, кто в одиночку, имея при себе лишь боевой нож, убил барона – становится следующим. Смена правящего барона происходит, как правило, внутри банды. Ах, простите – баронской дружины.

Интересно, но вряд ли пригодится. Конечно, боевым ножом пользоваться я умею – выучили. И без ножа – голыми руками, и всем, что под рукой окажется. Не в пионерском лагере воспитывалась. Но затеряться лучше в городе. На селе новый человек – событие. Все друг друга знают. Ага, и друг о друге тоже. А в городе – милое дело. Пару кварталов прошёл, и никто о тебе ничего не скажет.

Зря я так подумала. В первую облаву не попала, таки в следующую загребли меня, грешную, вместе со всеми. Уличных девок выкупили сутенёры. Судя по их количеству, облава была масштабная. Город явно «чистят». Кто-то важный ожидается – к гадалке не ходи.

Как в воду глядела! Его Королевское Величество Айрон Четвёртый Милостивый. Ну да, ну да... В честь его приезда в баланду положили мясо. По кусочку – величиной с фалангу моего мизинца. Небывалая щедрость, по словам старожиллов. И начали нас выводить по пять штук, скованных одной цепью. В каждую пятёрку запихивали одну женщину. Ах да! Камера – общая. Без разделения на мужскую – женскую. Пришлось насмотреться всякого. К счастью, я непри-

влекательна, как уже говорилось. Ну и от греха подальше – вымазала лицо и волосы сажей и пылью. Этакая Золушка. Только на ядовитую змею похожая, ибо недобрая совсем.

Итак, вывели нас, скованных одной цепью, связанных одной целью... Задание моих спутников вогнало в ступор. Даже языкатый весельчак задумался... И спросить-то не у кого. Легенду подходящую, оправдывающую моё незнание, вот так сходу не придумать. Что-нибудь ляпнешь не то – и привет семье. Молчу. Слушаю. Пополняю свою коллекцию ругательств. Пока, кроме них, ничего не слышно.

– Серые лорды... Мммать!

– Шанс...

– Лучше петля!

– Скажи стражникам. Замену тебе найдут быстро.

Все четверо высказались. На меня внимания никто не обращает. Я, по-видимому, уже труп. Женщина – пропуск? Возможно. Мало инфо... Очень мало!

Расковывать нас не собираются. Ага. В кустики приходится цепью ходить. Сволочи! Хотя, судя по камере и общим баням, здесь на разделение полов смотрят проще. И когда в камере приходилось пользоваться общими «удобствами», никто внимания не обращал. Так что держу индифферентное выражение лица, соблюдая рекомендацию Горация «*nil admirari*»¹.

Везут в телеге, запряжённой какими-то полузверями-по-

¹ Nil admirari (лат.) – ничему не (следует) удивляться.

луящерами. Лапы широкие, когтистые. Даже по болоту прошлёпают или по зыбучим пескам. За счёт скорости. Скорость – километров восемьдесят в час, при том, что телега типа «волокуша» на широких полозьях, подбитых чем-то непонятным. Это в начале осени-то! Хотя, может, здесь зима такая? Пасмурно, туманно. Но не холодно. Силища у этих животных – дурная. Сопровождает нас отряд в два десятка стражников. На таких же монстрах. Интересно, чем эти твари питаются... Вдруг плотоядные? Брррр!

Добрались до предгорий. За четыре дня. Одна остановка в середине дня на обед. И когда полностью стемнеет – ночёвка. На рассвете – подъём, перекус,правка – и в путь. В общем, две трети суток – едем. Ехали, точнее. А вот теперь стоим лагерем и ждём у моря погоды. Судя по старым следам, раз в несколько лет здесь также стоят лагерем и ждут. Нашу цепь прикрепили к кольцу в огромном валуне. Спутники мои совсем поскучнели...

На небе – всполохи. Похоже на северное сияние. Ага, точно! Разворачивающиеся цветные полотнища, как флаги... Все флаги в гости будут к нам. Стражники отбыли восвояси; надавав на прощание тумачков всем, кроме меня. Я часто-часто заморгала наливающимися слезой глазами, замерев и глядя на грозного стражника... Хмыкнул и прошёл мимо. Пообещали заглянуть через недельку... Мои спутники проводили их угрюмыми взглядами и впали в транс ожидания. Иначе не могу назвать это состояние боевой готовности.

А на воинов не похожи.

Один – точно из воровского сословия. Пока его били, вытащил у стражника кинжал и кошель. Второй – весельчак, трудно классифицируемый. Свободный художник-грабитель... Или из наёмных убийц. Его побаиваются и прислушиваются к нему. Третий... «Жил был на Подоле Гоп-со-смыком...» И четвёртый – выглядит как раздолбай, из опустившихся мелких дворян, а на самом деле – то ли шулер, то ли мошенник высокого полёта. Ага, и я – «сами мы не местные». Пыль и сажу смыла с себя первым же утром, так что на Золушку уже не похожу. А вот на гадюку... Внутренне. Только внутренне...

Карманник, оказавшийся вором широкого профиля, ковыряет кинжалом замок цепи. Смысл этих его потуг мне неясен. Нас сковывали без замков, заклёпывая цепь кузнечным молотом. А с цепью далеко не уйдём. Но всё-таки хоть какое-то занятие. Время скоротать... Ждать и догонять – самое тяжёлое. Но ждать я умею, а догонять мне пока не приходилось. Всё больше убегала. Сначала по-настоящему, потом – на тренировках. Подготовка для всех «понаехавших» одинаковая. Распределение статуса – разное.

Мой статус пока что – быть инкубатором для тех, кто сможет оплатить приток свежей крови в своё фамильное древо. «Чистокровная носительница генетической линии». Ага, и клеймо на предплечье. Похожее на татуировку. Толь-

ко линии не цветные, а сияющие как бриллианты. О моём желании речь не идёт. Казалось бы, безопасность, здравоохранение, образование – чего ещё надо? Причём «работа» не на износ, а с чётко отслеживаемыми перерывами на восстановление организма после родов. Чтобы как можно дольше использовать. Ага! Шоб вы так жили! Или вариант – во Внеземелье. Но туда берут не каждого. Надо выучиться, потом отработать стажёром, потом только можно получить допуск к звёздам. А чтобы выучиться, надо повысить статус. Вот такие пироги... Для мужчин имеется ещё и третий вариант – армия. Почётная служба, гособеспечение и пенсия за выслугу лет. Но женщин, способных рожать, в армию не берут. Даже если они не понаехавшие, а коренные уроженки.

Камень начал светиться. Карманник отскочил, мгновенно спрятав кинжал. Концентрические кольца света отделяются от валуна и падают вокруг нас. Одно, второе, третье... После седьмого над нами образовался купол света. Как в кино. Сейчас откроются врата, и мы войдём, взявшись за руки... Ха! Три раза!

Не знаю, открывались ли врата. Увидев, как падают обмякшими куклами мои спутники, сочла за лучшее «потерять сознание». Какое-то излучение? Запаха не было, да и световой купол вряд ли удержит нужную концентрацию газа. Куда-то нас тащило. В смысле – перемещало. Управление гравитацией и средневековые... Серые лорды – пришлые? Или –

предыдущие? Не знаю, и знать не хочу. А вот то, что меня не «вырубает» их методикой воздействия на местных, знать никому не надо. Если, конечно, они этого не определили сами. По какому-нибудь пси-излучению. Хотя я и постаралась не думать ни о чём.

Отрешилась от всего... По методике йогов. Только слух, обоняние и осязание, без шевеления. Помещение достаточно большое. Слышу не менее четырёх людей. Или нелюдей? Не знаю. Пока никто не очнулся, и я тоже «отдыхаю»». Судя по лязгу и подёргиванию, с нас снимают цепи. Или? Лежу, не рыпаюсь. Главное – спокойствие. Целее буду. Да и не справлюсь я с четырьмя... Или попытаться очнуться? Времени прошло уже много... А то хрен знает, чем они там лязгают... Эххх! Любопытство сгубило кошку! Решено! «Прихожу в себя».

Действительно, цепи сняли. На то, что я очнулась, внимания не обратили. Похоже, биороботы с ограниченной программой. Не думают. Что сказали, то и делают. Вот и славно. Бегло осмотрела помещение, потом – своих вынужденных компаньонов. Все дышат, пульс на шее легко прощупывается. Надо поискать воды. А то очнутся, болезные, сразу пить захотят...

Долго расхаживать у меня не получилось. Меня подхватило (всё-таки гравитация!) и уложило на место. Да ещё и придавило. Ненадолго. Вероятно, чтобы осознала. Воспитательные меры, так сказать. Мелькнула мысль: возможно, сонное

излучение настроено на мужской мозг, а на женщин не действует. Тогда я просто дурака валяла... Да ещё, небось, перед камерами. Датчики здесь наверняка есть. Как бы иначе меня «спать уложили?» Ну, если так, то не я первая... Наверняка не все женщины покорно ждали своей участи. Даже не осмотревшись. Быть такого не может!

Лежала, лежала... И уснула. Будили меня... Ага, кружкой воды, выплеснутой в лицо. Хамы. Ну... считай, умылась. Слезла с лежанки, стою рядом с ней. И? Что дальше?

Дальше было просто. Открылась дверь, вошли давешние биороботы, вооружённые чем-то типа станнеров². То есть, убивать нас не хотят. Уже хорошо. Биороботы заняли стратегические точки, и вошёл... Серый лорд.

– В натуре – серый! Век воли не видать!

Я что-то типа этого подумала. А высказался Гоп-со-смыком.

Несколько певучих звуков... Не звуков – слов. Кольцо сработало второй раз, и стало обычным украшением.

Серый лорд высказался в плане: «Как мне надоели эти уголовные морды! Когда присылали военных, было лучше». Переводить нам это никто, разумеется, не стал. Потом лорд коснулся медальона на груди, и зазвучали слова:

– Ваш правитель прислал вас согласно договору с Советом лордов-протекторов. От вас требуется несложная рабо-

² Станнер – оружие типа парализатора, способное при необходимости ещё и связывать жертву, не парализуя её.

та, которая продлится семь ваших дней. После этого вас отправят на то же место, с которого забрали. Питание и отдых вам обеспечат. С завтрашнего дня вы приступите к выполнению своих обязанностей. А сейчас вас проводят в ваши временные жилища.

Скользнул, как змей, за дверь, и был таков. Биороботы по трое на одного повели нас по коридору, приостанавливаясь у каждой распахнутой двери. На третьей двери до меня дошло, и я вошла внутрь. Дверь за моей спиной закрылась. Звуки как отрезало. Плохо. Что творится в коридоре, я узнаю только, когда в него выйду. Обстановка напоминает мой мир. Всё чуждое, конечно, но одновременно – похожее. Удобства, душ – всё управление – сенсорное. Кровать с антигравитацией. Спать на воздушной подушке я ещё не пробовала. Хотя во дворцах наших патрициев ещё и не такое есть. Впрочем, я была только в двух, за остальные не отвечаю.

Самое главное – униформа. Похоже, нас обмерили, пока тащили. Комбез точно по мерке, берцы тоже. И бельё с длинными носочками. Как мало надо для счастья! Потаскать пару недель тряпье, снятое с пугала, и получить в своё распоряжение одежду, обувь и бельё. Пусть не паучий шёлк, но всё-таки! Комбез из прочной немаркой ткани, бельё – мягкое, приятное к телу. Три комплекта! Богатство! Носочков – шесть пар! Щедрые лорды! В душе полотенца и банный халат. Моего размера!

Так... Сесть и подумать. Я вошла в третью дверь. Почему

здесь оказались вещи, предназначенные для меня? Нет, лучше я приму душ, а потом посижу и подумаю!

А ларчик просто открывался... После душа, сбросив своё тряпье и мокрые полотенца в утилизатор и наблюдая, как на полочке возникают свежие полотенца и чистый, восстановленный, подогнанный по моему размеру костюм с пугала, я прикинула по времени, и у меня получилось, что пока я осматривалась в отведённых мне помещениях, для меня могли уже и зимнюю одежду изготовить... Технологии Серых лордов малость повыше, чем в моём мире. В плане организации быта, во всяком случае. Утилизаторы у нас есть, и одежду с обувью изготовить тоже возможно. Но восстановить старое тряпье, которое хозяин не хочет выбрасывать... Пока не доросли мы до такого уровня...

Интересно, какую работу нам поручат? Копать траншею от забора и до обеда? Что-то, чем не желают или не могут заниматься Серые лорды (по-моему, образ Серого лорда – это скафандр), происходит на их территориях с периодичностью в несколько лет. Что это может быть? Канализация испортилась, и теперь её надо вручную очищать?.. Или? Скормят нас какому-нибудь кракену? Стражники сказали, что вернутся через недельку. И Серый лорд объявил, что наша работа займёт неделю. А потом нас вернут туда, откуда взяли. Значит, что? Значит, опасаться надо не Серых лордов. А кого или чего? Почему Шпильман сказал «лучше петля»?

Шулера я для верности окрестила Шпильманом. Вор он

и есть Вор. И Гоп-со-смыком – тоже. Трудно классифицировать языкатого парня, из-за которого нас уронили на каменный пол в тюрьме. Будет зваться Весельчаком. Вот так пока что. Потом видно будет, как мне их называть, и надо ли их вообще как-то называть.

Из обрывков фраз и междометий понятно одно: от Серых лордов никто не возвращался. Так... Рассуждаем дальше... Мы в Предгорьях. Точнее говоря, где мы сейчас – я не знаю, может быть, вообще на полюсе, но забрали нас и вернут в Предгорье. Так же скованных цепью? Или свободу получим? Не хотелось бы опять в цепи... Но я отвлеклась. Значит – Предгорье и вернувшиеся стражники. А в горах – вольные бароны. И фраза коменданта тюрьмы о возможном дворянстве логично ложится на обычаи вольных баронств. Боевым ножом убить барона, чтобы стать следующим... Похоже, продадут нас баронам. Королю, милостивому нашему, хлопот меньше. Не вернулись, значит, не выполнили задание. Надеюсь, что я напридумывала страхов от голода и усталости. Надеюсь...

Утром нас ознакомили с работой. Действительно несложная. Надо сопровождать только что вылупившихся птенцов. Похоже, легенды о птице Рухх, способной нести в лапах слона, являются истиной. Рассказом очевидца. Птенцам нужно чувствовать живое тепло. Первые семь дней. Потом они обретают магию, и уже не нуждаются в опеке. А Серые лорды птенцов возмущают. Не пугают – нет, именно возмущают.

Так что лорды наблюдают за нами издали, с подветренной стороны. Птенцы ростом с меня, и очень трогательные. Они покрыты мягким пухом оттенка чёрного шоколада, жадно лопают сырое мясо. И тянутся, эмоционально тянутся к людям. Это удивительное ощущение... Я к своим детям так не относилась, как к этим малышам.

Когда больше тысячи лет назад корабль с земными детьми приземлился в порту Нового Вавилона, их после медицинского осмотра отправили в приют. И растили из них людей второго сорта. «Понаехавших». Взрослых с ними не было. Автоматика привела корабль от готовой самоуничтожиться планеты на территорию дальней колонии. Не самоуничтожиться, разумеется. Угроза из космоса была сочтена заслуживающей внимания. И план эвакуации детей вступил в действие. Кораблей было много. Некоторым не повезло, некоторым – наоборот, а корабль с моими предками сел в Новом Вавилоне. Дети так и выросли «унтерменшами», пока группа генетиков, старательно пытающаяся удержать позиции местного населения в борьбе с изменившим генетику влиянием планеты, не обратила внимание на «чистоту крови».

И тогда, после нескольких лет исследований, были приняты «Евгенические законы», обязательные к исполнению всеми. Как «понаехавшими», так и местными. Приток «свежей крови» позволял улучшить генетическую карту почти на порядок. Но детей было мало. Всего двести сорок два ребёнка.

К моменту принятия первого из многих Евгенических законов из них оставалось девяносто два. Они были тщательнейшим образом обследованы, получили генетические карты и клейма на предплечья. С символами генетических линий и номерами. Первый номер. А у меня – четыре тысячи пятьсот восемнадцатый.

Мы так и остаёмся «понаехавшими». Но теперь являемся особо ценным имуществом государства. Доходит до смешного. По Евгеническому закону, если в момент политического покушения в опасности находится «дорогая мамочка», то спасти в первую очередь будут её, а не лидера государства. И вот уже больше восьмисот лет чистокровных обучают выживанию и самозащите. Не так, как спецназ, совсем не так. Ибо наша первейшая задача – выжить и сохранить здоровье. Сохранить способность рожать здоровых детей. Необходимость этого закона возникла, когда почти одновременно погибли носительницы двух генетических линий. И пока закон обсуждался, ещё одна «дорогая мамочка» была убита. Три генетические линии оказались утрачены на долгое время. Больше четырёх сотен лет понадобилось на их восстановление.

Евгенический закон об обязательном образовании чистокровных до сих пор вызывает споры в Сенате. Но пока все мы получаем разностороннее образование. Вы спросите: чего она с жиру бесится? Неприятно чувствовать себя оболочкой для репродуктивных органов высокой ценности.

Оба патриция, от которых я рожала сыновей, были добры ко мне. Заботливы. Даже сделали подарки. Считается хорошим тоном сделать подарок «дорогой мамочке». Вот только мой пятилетний первенец, которому меня показали по его же собственному требованию, сказал: «Пусть это существо уйдёт». А в глазах супруги патриция я увидела чистую мстительную радость. И поощрительную улыбку наследнику от отца. «Дорогая мамочка» должна знать своё место. А ведь я не навязывалась. Меня привёз куратор. По настоятельной просьбе самого патриция... В общем, не хочу я «рожать по требованию».

От любви к детям и романтических чувств нас отучают с раннего детства. Дефлорация проводится хирургическим путём, чтобы у «дорогой мамочки» не возникало негативных впечатлений от секса. Каждый наш шаг контролируется. Никаких лекарств, упаси Боже! Только натуральные средства. Все медицинские услуги – бесплатны. Принудительно занимаемся йогой... И рожаем, рожаем... С перерывами на полное восстановление организма – индивидуальными, тщательно выверенными. Полгода кормим новорождённого, потом младенца забирают родители или государство – если младенец чистокровный, а мы отправляемся на «реабилитацию». Природа, натуральные продукты, ничего угрожающего здоровью. А когда выходим на «заслуженный отдых», получаем государственную пенсию за чистокровных и индивидуальные пособия за платных детей. Чем не жизнь?

Не знаю... Лично меня не устраивает такое существование. Начинаю чувствовать себя растением. Опыляют и снимают плоды... Не хочу!..

Глава вторая

О том, как в баронствах приглашают на охоту, а также о баронском замке и о встрече с бароном Алеком.

Семь дней удивительной нежности... Даже Гоп-со-смыком улыбается птенцам, которые уже переросли меня и сейчас ростом с Вора. Да и как им можно не улыбаться? Когда они буквально расцветают от того, что мы рядом. А завтра нас отправят восвояси. Скованных или нет? Спросить, что ли?.. И как птенцы станут самостоятельными в один миг? Они же маленькие ещё!

Ничего мы не узнали. Уснули в своих комнатах, а проснулись рядом с тем же самым валуном. Только костюмы нам оставили. Полностью. Рядом с каждым – тючок с одеждой и обувью, в чём мы там ходили. Хорошо уже то, что приковывать нас не стали. Наверное, металл нашей цепи планируют пустить в дело. И правильно, нечего разбрасываться халлявным металлоломом. Птичек жалко. Как они там без нас. А нам пора сваливать с этого места. Чем скорее, тем лучше. Стражники действительно вернутся. У них – арбалеты. А у нас в активе – кинжал Вора. И всё. Ну, камней здесь полно... Но камень против арбалета – даже не смешно...

Вот только куда идти? И в каком составе? Меня здесь во-

обще «в упор не видят», обсуждают между собой направление. И у каждого, как водится, своё, единственно правильное мнение. Плевать на них. Сделала из комбеза скатку, завернув в него бельё. Берцы обула. А то я босая была. Ступни только-только в порядок привести удалось. В общем, экипировалась, чтобы руки не занимать. Мужчины наблюдают. Молча. Искоса.

– Я ухожу. Подальше отсюда. Не хочу встречаться со стражей. У них оружие дальнего боя – мы в заведомом проигрыше.

– А мы-то думали, ты у нас дурочка... Молчишь, глазами хлопаешь... – Весельчак улыбается, а глаза – холодные, оценивающие.

Я не привыкла к такому обращению. Я знаю, что сумею себя защитить, и была готова встречать опасности «с открытым забралом». Но не подумала о том, что самым сложным будет общение с людьми. В Новом Вавилоне меня защищают – если необходимо, то ценой жизни; и это настолько привычно, что воспринимается само-собой разумеющимся. А здесь я никто и звать меня никак. Впрочем, у меня имени и нет. Чистокровная номер четыре тысячи пятьсот восемнадцать, линии «лямбда». Надо придумать какое-нибудь. А то нехорошо без имени.

– Зовут тебя как, воробышек? – Шпильман подключился к беседе...

Символично, однако! Воробышком меня назвал мой вто-

рой патриций, уточняя в моём присутствии: нет ли какой-то ошибки в «распределении». Объявил, что ожидал увидеть женщину, а не воробышка. Даже не задумался, что я могу обидеться на такое обращение... Что самое странное: выясняя всё это, крепко держал меня за руку. Как будто боялся, что сбегу... Впрочем, военные – народ своеобразный... Надо отвечать, а я не придумала имя...

– Воробышек мне нравится больше, чем дурочка. Зовите Воробышком.

– А имя у тебя есть, Воробышек?

– А зачем оно? Если не нравится Воробышек, придумай другое. Я запомню.

– Пусть будет Воробышек. И в какую сторону ты собралась идти?

– Вверх. Обычно ищут внизу, потому что вниз идти проще. Я собиралась подниматься вверх, в горы.

– А попрощаться с друзьями?.. – руки Весельчака легли на плечи.

Сказать, что я была удивлена и разгневана – не сказать ничего. Я смотрела ледяным взглядом в переносицу Весельчака и лихорадочно думала, что мне делать. Убивать их – не за что пока, а вырубить – так очнутся же! Злые будут и в погоню кинутся...

– Какой взгляд! Принцесса крови, не иначе! Ты, дурочка, радоваться должна, что на тебя внимание кто-то обратил. Ничего, я займусь твоим воспитанием...

– Друзей не воспитывают, а принимают такими, какие они есть. Что касается радости – ты не Ален Делон (у людей искусства в мире Воробышка было модно брать сценическим псевдонимом имя древней знаменитости со схожим амплуа), чтобы женщина в счастливом обмороке падала к твоим ногам.

– Алек. Барон Алек Делон, – машинально поправил Шпильман и пораженно уставился на меня.

Весельчак быстро убрал руки с моих плеч и сделал шаг назад. Интересная реакция... Я посмотрела на притихших Вора и Гоп-со-смыком и честно сказала:

– Я не местная, и не знаю, о ком вы говорите.

– Так познакомьтесь... – жизнерадостный хохот раздавался, казалось, отовсюду, отражаясь эхом от скал.

К нам вышли шестеро. Пятёрка крепких парней, не отягощённых интеллектом, и ещё один, похожий на кобру. Пятеро боевиков, во всяком случае, испытывают трепет перед старшим.

– Поднимите руки, бродяги. Я хочу видеть ваши пальчики.

Характерный скрип тетивы, послышавшийся из-за нескольких скал, стимулировал незамедлительное исполнение столь вежливо высказанной просьбы. Я занималась стрельбой из лука, так что не спутаю. Значит, шансов практически нет. Хороший лучник даже в одиночку положит нас всех на втором, максимум третьем шаге. Двое боевиков по-

дошли к нам, обыскивали каждого и отошли, избавив вора от кинжала стражника. Трое оставались рядом с Коброй, страхуя его от возможного взятия в заложники. Грамотный подход.

– Можете опустить руки. Мой господин, барон Рожé, приглашает вас в гости, бродяги. Вы как раз успели к началу охотничьего сезона.

– Я не охотник, командир, – Весельчак развёл руками.

И снова жизнерадостный смех. Кобра, усевшись на скалу, утирает счастливые слёзы... Охрана не шелохнулась. Выучка, однако!

– Весёлый ты парень, бродяга. Рассмешил. Охотиться будут господа бароны. А вам предоставляется почётное право быть дичью.

На этой жизнеутверждающей фразе рассадили нас по огромным плетёным корзинам. И закрепили эти корзины на сбруе приземлившихся птиц. Наши птенчики вырастают в та-а-акие махины!.. Размером с малый катер для разведки и десантирования. Птицы заворковали успокаивающе, вероятно, почуяли на нас запах птенцов. Другого объяснения у меня нет. Зато теперь стало понятно, почему с нами так вежливо обращались. Птицы могли вмешаться при попытке причинить нам вред. Вероятно, прецеденты были. А если посмотреть на их клювы и когти... Лучше быть осторожнее, и птичек не раздражать... Что-то с нами дальше будет... Одно можно сказать совершенно точно: охотиться

на нас с воздуха точно не получится. Значит, придумано что-то другое... Интересно, все ли группы собрались «в гостях». Наша была шестой.

Приземлились почти сразу после взлёта. Полёта – минут десять всего. Учитывая размах крыльев и рельеф местности, расстояние – пара-тройка дневных переходов. Вытряхнули нас из корзин. Мою корзину просто положили, и предложили мне выбирать. Кобра даже руку подал. Воспитание, однако. Осмотреться, впрочем, не позволил. Кивнул стражникам, и те отвели меня в отдельно стоящее здание. Кажется, это называется флигель. Вообще, замковый комплекс построен явно не баронами. И очень возможно, что и не людьми, населяющими сейчас этот мир. Серые лорды? Нет. Они пришлые. Непонятна их забота о птицах. Может быть, птицы – не местные, а из мира Серых лордов? Тогда зачем лордам скафандры? Чтобы спрятать свой запах от птиц? Сплошные непонятки.

Старательно забиваю себе голову разной ерундой, чтобы не паниковать. Охота на людей! Может, ещё и с собаками? Спрашивать не у кого, да и не буду. А то вдруг идею подам. Не надо нам это. Нам надо ножичек боевой и барона поближе. Ага. Только даже если я и убью барона, то вряд ли мне удастся занять его место. За женщин-баронесс ни слова сказано не было. И я не бой-баба, способная ударом кулака сбить с ног мужчину. Ну, положим, с ног сбить мужчину я смогу. Не кулаком, а приёмом боя без оружия. Тут моё тело-

сложение играет в мою пользу. Все боевые искусства основаны на использовании против противника его же собственной силы. Но меня всё равно всерьёз никто не воспримет. Воробышек. Вот кто я для них.

Всё-таки идея с прохождением испытания была не слишком умной. Чтобы не сказать дурацкой. Ну неважно. Обратной дороги всё одно нет. Портал откроется через полгода. Если я на тот момент буду ещё жива и адекватна.

Ждём начала охоты. Пока, видимо, не все группы собраны. Женщины живут во флигеле. У каждой своя комната с удобствами. Удобства почти как у Серых лордов. Есть приходящие служанки, кормят хорошо, гуляем в саду. Никто не пристаёт. Ждём. После меня привели ещё двух девчонок-бродяжек. Почему бродяжек? Потому что «работниц койки» выкупили сутенёры. И всё равно я здесь самая невзрачная. Воробышек... Может быть, это и хорошо, а может, и нет.

Две дюжины молодых женщин. Значит, мужчин – девятью шесть. Охотничий сезон будет длиться долго. В первый же вечер прибежала напуганная служанка, сказала, что ко мне пришли. Странно. Ко мне? Ну да, Кобра. Предложил прогуляться, заверив, что мне ничего не грозит, ибо я не в его вкусе. Вышли в сад, идём по дорожке, Кобра искаса поглядывает на меня, чему-то усмехаясь, но молчит. И я тоже молчу. Погуляли, вернулись. И следующим вечером – то же самое. Я молчу, потому что психов лучше не раздра-

жать, а почему молчит Кобра? Зачем ему эти прогулки? Ни одного слова, ни прикосновения. Непонятно...

– С тобой хорошо молчать, Воробышек. Ничего спросить не хочешь?

Вот теперь надо спрашивать, чтобы не злить Кобру. А у меня как назло в голове сумбур. Надо спросить важное или протянуть время.

– Если я спрошу об охоте на людей, ты ответишь?

– Спрашивай, если не захочу отвечать, я тебе скажу об этом. – В быстром взгляде промелькнули удивление и злость. От меня ждали другого вопроса?

– Охота происходит не на открытом месте. Лесов здесь нет. Пещеры? Или катакомбы?

– И то, и другое. Теперь мой вопрос: откуда сведения?

– Птицы.

– Птицы?.. А-а-а... Ройхи... Ты умеешь мыслить логически, принцесса.

Споткнулась на ровном месте. Если бы Кобра не подхватил под локоток, пропахала бы носом дорожку.

– Я не принцесса.

Ноль внимания, фунт презрения.

– Сегодня прибывает барон Алек. Тебе не повезло, принцесса. Зря ты упомянула его имя.

– Это какая-то ошибка. Я не знаю барона Алека и не упоминала его имени.

– Ты это знаешь, и я это знаю. А что решит господин ба-

рон, не знает никто. Было приятно пообщаться, принцесса.

Поскольку мы как раз дошли до входной двери флигеля, Кобра откланялся по-военному, кивком головы, и ушёл не оборачиваясь. Странно это всё...

А со следующего дня начали уводить по одной женщины. И ни одна из уведённых не вернулась. Кобра больше не приходит, в саду я гуляю одна. Со мной никто из товарок не разговаривает. Я, впрочем, и не пытаюсь говорить с ними. О чём? Ляпнешь что-нибудь не то... Не хочется афишировать свою иномирность. Но напряжение растёт. Все на нервах. Начинаются скандалы, склоки... До драк дело не дошло пока, слава Богу. Но кто знает...

А сегодня, гуляя в саду, я почувствовала чей-то взгляд. Оглянулась – никого нет. Так не бывает. Подняла голову: в галерее третьего этажа виден стремительно передвигающийся силуэт. Окна здесь из какого-то прозрачного материала, но это не стекло, а что-то другое. Небьющееся и пружинящее, если попытаться выбить собой или чем-то тяжёлым. Короче, сбежать, выпрыгнув в окно, – нечего даже и пытаться. И тут я увидела, как одно из окон галереи исчезает, растворяясь в воздухе, и из него, распахнув огромные чёрные крылья, вылетает... кто? Вампир из сказок? Птица?

Третий этаж... Высота потолков здесь около четырёх метров. Плюс толстенные перекрытия... Пофиг! Приземлился на чуть согнутые ноги и тут же выпрямился. Крылья, оказавшиеся плащом из какой-то немыслимой ткани, похожей

на клочок живой Тьмы, волнами вихрятся вокруг хищного тела мужчины, быстро идущего ко мне. Быстро идущего? Пронизывающего собой пространство, подобно летящей стреле. Я шевельнуться не успела, как он оказался рядом. Рука, лёгшая на моё плечо, показалась неожиданно тяжёлой. Я попыталась отступить, но меня прижали спиной к дереву, а тонкие музыкальные пальцы второй руки приподняли моё лицо за подбородок. Причём у меня не было ни малейшего сомнения, что если я не пожелаю поднять голову, то сжавшиеся пальцы просто раздробят мою челюсть. Смотрю не на мужчину, смотрю ему в лоб, старательно «не видя» его. Почему? Не знаю. Страшно.

– Ты кто?

– Женщина, если господину угодно.

Старательно моргаю, пытаюсь удержать слёзы. Откуда во мне столько страха? Или он наведён извне? Начинаю быстро анализировать свои чувства. Пока мой собеседник не коснулся меня, страха я не испытывала. Была опаска, но не страх. Какое-то воздействие? И что за бред я сейчас несу? Почему?

– Может быть... Позже. – Улыбка в голосе. – Сегодня у меня другие развлечения, Воробышек. Завтра встретимся. На охоте. Я тебя приглашаю.

С этими словами, изысканно склонился к моей руке, припал к ней почтительным поцелуем и... прокусил кожу. Как я удержалась и не заорала, не знаю. Он поднял лицо от моей

руки и, оказавшись на одном уровне с моей головой, взглянул мне прямо в глаза... Я не упала в обморок. Хотя, наверное, была к этому близка.

Юное прекрасное лицо. Несмотря на летящую лёгкость черт, бесспорно, мужское. Глаза цвета молодой листвы, золотые волосы – длинные, вьющиеся; нежная кожа, с лёгким румянцем на скулах, чёткий рисунок испачканных моей кровью губ. Ага, и язык, быстро слизнувший её с них. И туманная дымка в зрачках. Почему у меня создалось впечатление, что это лицо было таким же юным и прекрасным тысячу лет назад? И останется таким же через тысячу и даже больше, лет... Я смотрела в это лицо, и мне хотелось плакать от его совершенной красоты и от осознания своей ущербности... Опять наведённые чувства... Зачем?! Для чего это нужно?!

Отстранился от меня всем телом, круто повернулся и пошёл в сторону выхода из сада. А плащ насмешливо танцевал у него за спиной, как будто знал, что я смотрю ему вслед... Вот ты какой, северный олень... то есть барон Алек Делон... Посмотрела на окно, через которое выпрыгнул этот маньяк – оно уже затянулось. Никаких следов, кроме укуса на моей кисти. Посмотрела: и укус уже затянулся. Так это что, была иллюзия? Пошевелила пальцами – нет, боль ещё чувствуется. Присмотрелась: на кисти видны следы зубов. Но к утру они, скорее всего, пройдут...

Утром надела форму, полученную от Серых лордов. Берцы я и так носила, а комбез не надевала, ограничившись

одеждой с пугала, восстановленной технологиями Серых лордов. Сегодня решила встретить свою судьбу во всеоружии. После завтрака пришли. Но не за мной, а за другой женщиной. Я, разумеется, возмущаться не стала. Ага, и правильно сделала. Меня забрали тоже. Гоп-со-смыком. Я совершенно не разбираюсь в людях, как оказалось!..

Идём прогулочным шагом, Гоп-со-смыком не спешит. Интересно, он служит барону Алеку? Или он дважды агент? Или трижды?

– Я не провокатор, Воробышек. Мне надо было попасть к Серым лордам, чтобы стать наездником. Ройхи подпускают к себе только тех, на ком есть отпечаток ауры их птенцов. Даже господа бароны в своё время ухаживали за ними. У нас договор с Серыми лордами и с королями. Мы направляем пятёрки к Серым лордам, а короли раз в пять лет сбрасывают нам ненужных людей. Сезон Большой охоты...

– А как господа бароны убивают время между сезонами? На кого они охотятся?

– Между сезонами... Каждый развлекается по-своему. Во время Большой охоты заключаются договоры, вырабатывается стратегия взаимодействия с внешним миром, принимаются общие законы... Большая охота – это обманка для посторонних. Бароны действительно охотятся на людей. Но смысл не в этом. Просто если называть вещи своими именами, то против баронств начнут объединяться, заключать союзы... А сейчас все считают баронства скопищем голово-

резов, которых можно не принимать в расчёт. Это удобно.

Иду рядом, слушаю и тихо выпадаю в осадок... При таких внешних данных столько интеллекта!.. Я действительно абсолютно не разбираюсь в людях! Ладно, с политикой баронств я была знакома только по слухам. А вот со своим собеседником... Хотя за всё время нашего общения он никогда не выходил за рамки своего имиджа громилы с большой дороги.

– Рада за вас, но мне от этого не легче.

Кивок головой в ответ. И ни слова... А так хотелось получить заверения, что это всего лишь игра на публику, и я в полной безопасности... Эххх!.. Дальше шли молча. Гопсо-смыком сказал мне всё, что хотел.

Через короткий туннель вышли на площадку перед входом в пещеру. Пещера – большая выемка в горе, глубину и ширину оценить не смогла, так как освещение – только при входе. И? Где пряник? Чем нас помянут, прежде чем отправить на съедение? Народу достаточно много. Покрутила головой, пытаюсь определить, все ли бароны присутствуют. Их должно быть девятнадцать, по числу караванных дорог. Трудно что-либо сказать. Барона Алека, слава Богу, нет. Хотя, наверняка появится. Он же пригласил меня на охоту... Кобра стоит в сторонке, со скучающим видом рассматривая меня и пятёрку моих товарищей по несчастью. Больше знакомых нет.

Кобра сделал шаг вперёд. Похоже, шоу начинается.

– Итак, бродяги, настал главный день в вашей жизни. Всё или ничего! Пройдёте гору насквозь, получите жизнь и заслуженные привилегии. Нет – утратите всё, что у вас ещё осталось, начиная с иллюзий. Каждый из вас получит боевой нож, свою дорогу и полчаса форы. Выход из горы ищите сами. Через полчаса за вами пойдут охотники. Правил нет. И вы, и с вами могут сделать абсолютно всё, что взбредёт в голову. Вопросы?

Стоим молчим. Четвёрка мужчин задумчиво прикидывает шансы. Им не нравится, что у каждого – своя дорога. А женщина просто индифферентно смотрит на Кобру. Так и не знаю, будут у охотников собаки или нет. Но спрашивать об этом – дураков нет. Хотя они и без собак свою гору знают. А боевой нож – это хорошо. Это просто здóрово!

Рано обрадовалась. Говоря за «каждый из вас», Кобра имел в виду мужчин. Женщин здесь за людей не считают. Как у казаков: «курица – не птица, баба – не человек». Так что принесли четыре ножа типа десантных, и выдали мужчинам. Лучники на высотах контролируют ситуацию. Чтобы не было соблазна у народа. Такое странное сочетание: замки с технологиями отдалённого будущего и лучники... Ага, и охота на людей для развлечения...

Прелюдия закончилась. Кобра отвесил издевательский поклон и приглашающим жестом указал на пещеру. Сейчас, как в старом анекдоте: первый – пошёл, второй – пошёл, третий – пошёл, парашютики не забываем!.. Я шла замыкаю-

щей. Когда осталась в одиночестве, Кобра сказал:

– Лови, принцесса!

Нож, летящий в меня, я поймала бы горлом. Мелькнула мысль: «Ну надо же! А вроде бы так хорошо ладили...» А тело, натренированное до автоматизма, уже ушло с линии удара, левая рука перехватила клинок, крутанула его вокруг кисти, гася инерцию полёта, перебросила в правую... Кобра улыбнулся с весёлой придурковатостью и швырнул мне ножны. Поймала и их тоже. Сильные руки взяли меня за плечи. Прижали спиной к мужской груди, и господин барон Алек, склонившись ко мне, произнёс с интимной интонацией:

– Заботится о тебе... Зацепила ты его чем-то!

Я с ним с ума сойду! Нельзя же так! Подкрадываться!.. Заикой оставит на всю недолгую жизнь... Нож отбирать не стал, и на этом спасибо. Смотрю на нечеловечески красивого господина барона и жду, чем ещё он меня порадует. Страх не насыщает, и это уже подарок... Золотые волосы скользнули по щеке, тонкие ноздри дрогнули, втягивая мой запах, запоминая его... В изумрудных глазах ласковые смешинки... Я не обманываюсь этой лаской. С такой же мечтательной улыбкой господин барон будет наблюдать, как меня заживо сожгут. Из разговоров женщин я узнала, что именем барона Алека в королевствах и каганатах пугают детей. Вот уже несколько поколений пугают. Значит, не человек. Может быть, принадлежит к расе, построившей замок? С окном галереи он справился со знанием дела...

– Не смею задерживать... – Плавный жест в сторону пещеры. – До скорой встречи, Воробышек!

Не смогла повернуться к нему спиной. Страшно. Так, пять, и вошла в пещеру под смешки провожающих. Кобра послал мне воздушный поцелуй. Он тоже будет охотиться?

Глава третья

О том, как Воробышек играла роль дичи, а также о смене власти в баронстве и новом статусе Воробышка.

Начинаю считать в уме. Три тысячи. Огромная пещера. Факелы в креплениях на стенах. И что? Куда идти? Ни одного прохода... А через полчаса сюда войдут охотники. Но тех, кто сюда вошёл передо мной, здесь нет. Значит, проход есть. Будем искать. Факел брать не буду. Я до него не долезу. А если даже долезу, то уж точно не подниму такую махину. Я же не статуя Свободы! Да и сомнения у меня по поводу этого лабиринта. Нет, в том, что лабиринт существует, сомнений как раз нет. А вот по поводу пробежки по нему с факелом... Меня же ловить будут! Как сказал Кобра: правил нет. Сделают всё, что взбредёт в голову.

Две тысячи девятьсот. Поёжившись от перспективы, делаю шаг вперёд. Второй, тре... тий... На третьем шаге подо мной поворачивается, казалось бы, монолитный камень, и я с задушенным криком лечу во тьму. Как на ледяной горке в детстве. Слава Богу! А то если рухнуть в колодец, тут путешествие и закончится. Две тысячи восемьсот. Интересно,

как господа бароны спускаться будут. Вряд ли так же, как я...

А тьма здесь не такая уж непроглядная... Огромный зал, сталактиты, сталагмиты, звук падающих капель... Темно, конечно. И кромка зала – вообще в черноте. И чёрные провалы коридоров... Две тысячи семьсот. Какой выбрать? Пошла вдоль стены. Дойдя до коридора, облизала палец, подняла, может, дуновение почувствую... Глухо как в танке. Следующий. Глухо. Третий – глухо... Две тысячи шестьсот. В шестом по счёту слабое дуновение. Пойду туда. Времени не так уж много. Это я ищу и выбираю, а господа бароны свою гору знают.

Вошла в коридор. Пришлось немного постоять, пока глаза привыкли к сгустившейся темноте. Зато зал стал практически светлым. Две тысячи пятьсот. Иду медленно, веду ступню над полом. К счастью, по пещерам нас, дорогих мамочек, гоняли. Так что, не паникую, продолжаю считать, и берегу голову. В стенах коридора периодически возникают проходы. Каждый раз проверяю, нет ли дуновения воздуха. И принохиваюсь. Запах страха... Вот чем пропитан лабиринт.

Два раза проходила через «залы». Стараюсь выдерживать направление, но открытое пространство не пересекаю, двигаюсь вдоль стены. Тысяча пятьсот. Половина отпущенного времени прошла. Скоро начнётся охота. Насколько долгий путь предстоит пройти? И что делать, когда пройду? Заслуженные привилегии для женщин страшно даже представить. Хотя, скорее всего, участь добычи ещё печальнее. Ладно, там

посмотрим. Может быть, удастся покинуть баронства...

Тысяча двести. Развилка. Т-образный перекрёсток... Ну и? В обе стороны идти можно. И там, и там – дуновение ощущается примерно одинаковое. Начинаю принюхиваться... Справа тянет затхлостью, а слева воздух вроде бы посвежее. Не знаю только, вдруг там щель в скале, через которую воздух проходит, а кончик мизинца не высунешь. Иду налево, надеюсь на лучшее. Часто посматриваю на потолок. Могут быть лазы на другой уровень лабиринта. Пока встречаются только тупиковые. Дуновения из этих отверстий нет. А те, из которых есть, слишком малы, чтобы можно было в них протиснуться. Но я не теряю надежды. Шестьсот.

Скоро пойдут охотники. Надеюсь всё же, что без собак. Кобра про собак ничего не сказал, но это не значит, что их не будет. Просто в пещерах собаки очень быстро отыщут добычу. Неинтересно. Пятьсот. Отверстие в потолке. Достаточно большое. И воздух оттуда вроде бы посвежее. А вот коридор дальше не радуется дуновением. Скорее всего, тупик. Ну что? Четыреста. Деваться всё равно некуда. Карабкаюсь сначала по стене, потом, упираясь в края отверстия, выполняю акробатический этюд, втискиваясь в узкую шахту. Сто пятьдесят. Спокойно. Вдох, выдох. Спокойно.

Долезла до «выхода». Шахта слегка параболической формы, так что лаз опять в потолке. Ну хоть не под ногами. Тридцать шесть. Всё, хватит считать. Я не артобстрела жду. Принюхиваюсь, прислушиваюсь... Коридор кажется свет-

лым. Но это после тёмной шахты. Не шахты, конечно, так... промоина в скале. Вероятно, более мягкая порода вымылась подземной рекой. Вода здесь есть. Где-то на этом уровне... Приготовилась выкарабкиваться из лаза... Потом подумала и отползла опять в шахту. Лучше пропустить охотников. Бежать от них по коридорам – не набегаешься. А вот за ними – тихонько, на мягких лапах... Может быть, и удастся пройти. Надеюсь, они не скопом рванут в один и тот же коридор.

Так, пошли. Слышны шаги. Приближаются. Затаилась, даже не дышу. Дышу, конечно, но очень медленно. Как учили на занятиях по маскировке... Прислушиваюсь, принимаю и приглядываюсь. Из тёмного лаза коридор совсем светлым кажется. Из темноты появляется... господин барон Алек... У меня разом все мысли из головы вышибло. Бессмысленно таращусь в коридор и не дышу. Вообще. Господин барон тихо проплыл, по-моему, даже не касаясь пола. Только плащ вихрился за спиной. Шаги были не его – точно! Господин барон ходит абсолютно бесшумно. Я его и на площадке перед входом в лабиринт не услышала. Начался озноб и не проходит. Вот мне только зубами застучать не хватало. Ага, как кастаньетами. И в пляс пуститься... Страшно-то как!.. Такое ощущение, что барона окутывает аура ужаса.

Шаги всё ближе. Торопливые, частые. Женщина? Точно! Как и я, в комбезе и в берцах. Оглядывается, преследователи уже близко? Нет... Не преследователи. Один из «дичи». Походу все пути ведут в этот коридор? А дичь-то знакомая...

Весельчак. Ну надо же! А как же я его не заметила на площадке? Господина барона Алека глазами искала. И на Кобру смотрела... Плохо! Наблюдательность ни к... кхм, ладно. Предложит развлечься? Нет... На обгон пошёл. Женщина, наивная, увидела, что это не охотник, и успокоилась. А Весельчак, проходя, тукнул её легонько по затылку: она обмякла и упала. Умный, сволочь. Решил выиграть время. Пока охотники будут заниматься этой добычей, он сможет оторваться. Вот только впереди – барон Алек. Что ж, каждому своё. Я вот тоже – залегла в шахте и наблюдаю молча. Каждый сам за себя. Ага, один Бог за всех. Озноб не проходит. Хорошо, что зубы не стучат... Женщина очнулась, пошевелила головой, встала, держась за стену, и пошла. Правильно: терять время нельзя.

Примерно через минуту из тьмы коридора послышался отчаянный женский крик, оборвавшийся резко, как будто женщине заткнули рот. Или, как если бы она его сама себе заткнула. И лабиринт ожил. Пробежали тени по стенам, дуновение ветра со стороны, куда ушли барон Алек и Весельчак с женщиной, принесло запах воды, коры деревьев, мокрых от дождя, и свежей крови – как же без неё. Но все эти запахи всего лишь оттеняют основной, которым пропитан лабиринт. Запах страха...

Лежу. Жду. Считаю. Прошли четыре группы. Две – с добычей. Где-то гуляет ещё один мой товарищ по несчастью. Развлекаться с дичью бароны предпочитают в замке? Или

чуть дальше по коридору? Что-то не хочется мне выяснять это... Пятеро баронов. А где ещё четырнадцать? Или в охоте принимают участие не все? А поверхность близко. Запах открытого пространства... После часа в подземельях его чувствуешь кожей. Прошёл всего час. А у меня такое впечатление, что я весь последний год сижу в этой шахте и пялюсь в коридор. Вылезать, или где? Подожду оставшегося.

Хорошо ходит. Если бы не тень, увидела бы в последний момент. Конечно, до барона Алека ему далеко. Но всё равно, хорошо ходит. А я – хорошо сижу. Только мне, похоже, пора сниматься с якоря. И пойду-ка я в обратную сторону. Не хочу я проходить там, где так силён запах крови.

Вылезла и быстро, но спокойно пошла вдоль стены. Крутой поворот. Что там за ним? Опять шаги... А деваться мне некуда. Лаз остался далеко за спиной. Кто-то идёт. Точнее, идут. И? Мне что делать? А навстречу – волна ужаса... Но ведь барон Алек впереди? Ведь он пошёл вперёд? Что же это такое?! К барону в руки не хочу! Вот не хочу, и всё! Страшно очень! И кусается он... многообещающе.

Счастье, что стены неровные. Постаралась слиться со стеной, приняв как можно более нечеловеческую позу, дав себе установку на ограничение пространства. Чтобы тень моя меня не выдала. Если барон меня увидит... или учует... Выплыл... Опять бессмысленно жду своей участи. Смотреть нельзя. Как на Вия из старого ужастика. Да зачем смотреть... Не сдохнуть бы без кислорода. Дышать не могу от страха.

И сердце, похоже, останавливается... В обморок не падаю, потому что страшно очень. Да и маскировка нарушится...

Уровень ужаса ощутимо спадает... Барон прошёл мимо? Или? И посмотреть страшно, и не смотреть – тоже страшно. Подожду ещё немного. Плохо, что барон передвигается бесшумно. Не угадаешь, где столкнёшься. Стоп... Были шаги. А теперь их не слышно. Не двигаясь, продолжаю сливаться со стеной. Кхм... Журчит... Не заржать бы в голос. А то впаду в истерику после такого страха. Ну вот и шаги... Прошли мимо. Не двигаюсь ещё десять минут, потом «отмираю», отлепляю себя от стены и ползком пересекаю коридор, чтобы не огибать угол. Смотрю, слушаю... Коридор – широкий, и боковые проходы – несколько штук. Придётся опять исследованиями заняться...

Снова крики. На этот раз – и мужские, и женский. Кричат так, как будто у них душу вынимают из тела. Впрочем, возможно, так оно и есть. Не паниковать! Во рту появился металлический привкус... Спокойно. Дышу ровно. Вдох. Выдох. Спокойно. Крики не смолкают, но я уже успокоилась. Надо выбираться. Не хочется туда, к ним. Присоединить свой голос к общему хору...

Около трёх часов заняли блуждания по разным коридорам. Крики затихали и возобновлялись, а я шла, поворачивала, возвращалась и шла новой дорогой... А вот теперь играю в прятки с баронами... Вот уже минут пятнадцать играю. Выход рядом, но... Не для меня! Пока не для меня! Где-

то ещё бродит мужчина-дичь. И барон Алек давно не ощущается рядом... А мне надо проскочить мимо зала, в котором отдыхают четверо стражников. Я с ними не справлюсь за минуту. А больше времени у меня нет. У меня даже минуты нет. Чем бы их отвлечь...

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Волна дикого ужаса объявила о скором появлении в зале барона Алека. Стражи вытянулись в струнку, и приготовились есть глазами начальство. Отвернулись от коридора, который мне надо миновать... Я знаю, что это неправильно, но охота подошла к концу... Мне некуда деваться. Я оказываюсь точно за спинами стражников, и пла-а-а-вно перемещаюсь в нужный мне коридор. Ну и поскольку в коридоре темно, намного темнее, чем в зале, останавливаюсь, прижавшись к стене, чтобы глаза привыкли к темноте.

Мимо меня пролетает мой коллега-дичь. Уже не заботясь о создаваемом им шуме. Выход чувствуется кожей. Плохая услуга... Впрочем, мужчинам легче. Успеет прорваться – примут в дружину. Не сможет – крики он слышал. Господа бароны развлекались, как умели. Надо пошевеливаться. Хотя бы место поуютнее найти. Шаг, второй – иду медленно, чтобы не шуметь. Стараюсь попасть в унисон с ещё слышными шагами беглеца. На третьем шаге коридор заливается ярким светом. Охота окончена.

Для меня она закончилась ещё раньше, потому что меня, зажав рукой рот, выдернули из коридора в боковой проход,

за выступом стены. Не зная, не найдёшь. Стою, зажмурившись, прижатая к мужчине. Одна его рука охватывает мои плечи, вторая – крепко зажимает рот, чтобы ни звука не просочилось. Из глаз текут слёзы от жалости к себе. Всё-таки не получилось у меня выбраться. Вздрагиваю от сдерживаемых рыданий. Всхлипывать страшно. А в коридоре – шаги, разговоры... Может быть, беглец успел проскочить? Хотя что мне до этого...

Горячее дыхание коснулось уха. И тихий-тихий шёпот на грани слышимости:

– Если у тебя хватит сил не закричать, кивни, – я уберу руку.

Анализирую своё состояние: дрожь не проходит, но я уже «в сознании». А вот смогу ли я не закричать или не разрыдаться? И кто меня держит? Выдернул он меня из коридора своевременно. За миг до того, как зажёгся свет. Пытка страхом сменяется пыткой надеждой... Но друзей у меня здесь нет. И очень может быть, что я пожалею о том, что не попалась барону Алеку. Но проблемы надо решать по мере их возникновения. И жить хочется. Очень. Медленно киваю. Пытаюсь кивнуть, точнее. Как он себе представляет кивок головой, если он меня держит, зажимая рот?

Руки убрались от моего лица и плеч. Повернувшись к тому, кто меня держал, увидела удаляющийся силуэт, приглашающе махнувший мне рукой. Пошла за ним. А что мне ещё остаётся? Пытка надеждой...

Ну и дорожку выбрал мой проводник! Я не раз с благодарностью вспомнила своих инструкторов, гонявших меня на полосе препятствий. Только огненного тоннеля не хватало. А всё остальное – в избытке. Лестницы, мостики, канаты над пропастью, водные преграды, скользкие дорожки... Даже замена гребню с качающимися мешками нашлась в каком-то механизме. По моим ощущениям, гору мы прошли дважды по сужающемуся кругу. Может, я, когда шла одна, перебралась на другой уровень, – а сейчас мы идём по правилам. Счастье, что на мне комбез и берцы. Сколько раз я могла сломать ногу, навернувшись...

Проводник мой ни разу не остановился и не сбавил темп. Так и скользит передо мной, бесшумно. Своего рода испытание? Внезапно поняла, что страх ушёл и вернулась воля к победе. Ну, к победе – это сильно сказано, но тем не менее... Препятствия всё сложнее. Два раза чуть не рухнула в пропасть и в последний момент увернулась от бревна, подвешенного на канатах и пролетающего чуть ли не со свистом над тонюсенькой, покрытой льдом, планкой, заменяющей на этот раз мостик над очередным провалом в скалах. А внизу – ледяной поток ревёт и накатывается на зубья скал... Мыслей никаких не осталось, работает исключительно спинной мозг. Он мудрый – от динозавров нам достался. Инстинкты и реакции – это его вотчина.

Напрасно я сетовала на отсутствие огненного тоннеля. Вот и он, родимый. Да ещё – ведущий вверх. То есть: береги-

те дыхание, рассчитывайте каждый шаг, не делайте лишних движений, и не тратьте время. Проводник пропал в огненной пелене, и я, не отставая, – за ним, туда же. Посмеялась мысленно, вспомнив фразу «с тобой, хоть в огонь»... И... выскочила на ровную площадку. Пустую. Впереди широкий коридор... А сбоку ленивый голос:

– Беги, принцесса. Не останавливайся. – И – вспышкой ярости, – Ну?!

И я побежала, глотая слёзы. Выскочила на свет, зажмурилась, замерла. Ещё не хватало упасть, ослепнув после долгого бега с препятствиями в темноте. Где-то внизу загомонили охотники. И резко замолчали. А мне на плечи сзади легли тяжёлые руки и подтолкнули вперёд. Потихоньку открыла глаза. Смотрю под ноги на тропинку, спускающуюся серпантинном вниз. Это сколько же мы с Коброй уровней прошли? Шесть поворотов – на каждом выход из горы. Самый верхний и два нижних. Девять уровней. И что теперь будет? Со мной?

– Как это понимать?

Шелестящий голос барона Алека навевает ужас не менее, чем звук начинающегося оползня в горах. Кобра молчит, улыбается, глядя на горизонт. Я тоже благоразумно молчу. Начинаю понемногу привыкать к страху, сопровождающему барона. Во всяком случае желания вскрыть себе вены, лишь бы оказаться подальше от него, я уже не испытываю.

– Господин барон Алек задал тебе вопрос, мой сенешаль.

Мне тоже интересно.

Высокий темноволосый мужчина с бородкой, как на иллюстрациях к «Трёх мушкетёрам» Александра Дюма, в охотничьем костюме чёрной замши, при шпаге и плаще, требовательно смотрит на Кобру. Сенешаль, ну надо же! Кто-то заигрался в рыцарей. Значит, Кобра – правая рука барона Рожэ. Юстиция и военные дела. Ага, и развлечения. Охота – это к чему относится? К юстиции, разве что... Или отбор кандидатов в дружину? Не считая политики, которой бароны занимаются, вероятно, в промежутках между охотами.

– Правила не нарушены, мой господин. Воробышек прошла гору самостоятельно. Указать дорогу правила не запрещают.

Несколько мужчин в охотничьих костюмах кивком выразили согласие со словами Кобры. Наблюдаю из-под ресниц, скромно опустив глаза. В затылке бьётся вопрос: зачем? Зачем это нужно Кобре? Боюсь, что ответ мне не понравится...

– Зачем тебе это нужно? – барон Алек интересуется тем же, что и я.

– Она мне вроде как нравится... Думаю оставить себе. – Придурковатая улыбка и готовность к бою, знакомая по наблюдениям за воинами.

– На общих основаниях, – барон Рожэ проявляет неудовольствие.

– Я в своём праве, мой господин, – почтительный поклон

в манере военных, то есть кивок головой.

– Чем ты лучше других? – презрение в голосе. Сенешаль барону явно ни к чему. Этот сенешаль, во всяком случае...

– Мой господин абсолютно прав...

Бесцветный голос Кобры. И внезапный интерес к происходящему со стороны барона Алека: прищуренные глаза, лёгкая мечтательная улыбка, ощутимо спавший уровень ужаса... А Кобра повернулся ко мне, издевательски улыбнулся, разведя руками:

– Мне так жаль, принцесса, ты даже не представляешь...

И, не окончив фразы, не меняя выражения лица, качнул кистью левой руки. Я увидела, как падает барон Рожé с рукояткой ножа, торчащей из правого глаза, и Кобра развернулся к обществу, задвинув меня за спину. А я всё не могла прийти в себя: как можно прицельно бросить нож из-за спины?! Попасть в цель, которую не видишь?! Я умею управляться с ножом. И метнуть нож могу из любого положения. Но вот так?.. Надо учиться. Надеюсь, Кобра мне поможет. И тут вернулось осознание того, что в этом мире я ничего не значу. Абсолютно. Кобра собрался меня оставить себе... Зачем?! Насчёт «понравилась» я не ободряюсь: здесь другие женщины ценятся... Или просто использовал как *casus belli*, а теперь... «на общих основаниях». Что это значит, кстати?

– Не трясись, принцесса. Прорвёмся.

– Я не принцесса.

Опять не услышал. Смотрит на баронов. Барон Алек шаг-

нул вперёд плавно, как будто вынес себя по воздуху:

– Барон Рожé умер и забыт. Приветствую барона Зигмунда.

Это Кобру так зовут?.. Ну и ну!.. А что теперь будет со мной? Что будет?!

Кобра, то есть барон Зигмунд, вытащил меня из-за своей спины, внимательно рассмотрел: сверху вниз и снизу вверх. Хмыкнул, движением пальцев подозвал одного из знакомых по первой встрече громил:

– Проводишь принцессу к Бланке. Пусть приведёт её в порядок к вечернему пиру.

– Слушаюсь, господин барон. – И мне:

– Пойдём, принцесса.

– Не так быстро, Франц.

Барон Зигмунд взял меня за руку и объявил:

– Представляю вам мою жену, бароны.

– Я не давала согласия!

Моему возмущению нет предела. Мы не выходим замуж... Дружный хохот баронов и их приближённых оглушил меня. Опомнилась и запоздало испугалась. Но Кобра вроде бы не сердится. Стоит утирает слёзы, плечи всё ещё дрожат от смеха.

– Принцесса, ты меня уморишь!.. Можешь идти. Франц, проводи госпожу баронессу.

– Зигги, я знал, что ты бешеный, но не думал, что ты сумасшедший. Зачем тебе это недоразумение? Она свою зада-

чу выполнила.

– Я обязан объяснять тебе свой выбор женщины, Алек?

– Ты в своём праве, Зигги. Женщина – твоя, можешь делать с ней что вздумается. Хочешь – женись, хочешь – с кашей свари и съешь.

– Интересная мысль. Если я разочаруюсь в семейной жизни, я буду знать, что делать...

Господа бароны снова расхохотались. Барон Алек мечтательно улыбнулся мне, обласкав взглядом. А мне вот – не весело. О семейной жизни с Коброй я вовсе не мечтала. Мне такое даже в голову не приходило. Растерянно иду рядом с Францем. Ничего не вижу, чуть не упала с лестницы. Франц подхватил под локоток и, как только я твёрдо встала на ноги, тут же отпустил. А я передвигаюсь, не приходя в сознание.

Глава четвёртая

О том, как Воробышка готовили к вечернему пиру, а также о самом пире в баронском замке, о брачной ночи и утреннем времяпрепровождении в семье барона Зигмунда.

Бланка оказалась суровой дамой лет пятидесяти, если брать возрастные категории здешнего мира (не включая барона Алека!), и примерно около трёхсот пятидесяти по меркам чистокровных. Упёрла кулак правой руки в крутое бедро и, в упор меня не видя, обратилась к Францу:

– Только не говори, что я должна вот это превратить в женщину, Франек...

– Приказ господина барона, Бланка.

– С каких это пор нашему барону нравятся хворостинки? Франек, не морочь мне голову.

Я поняла, что они ещё долго будут пререкаться, потому что Францу в голову не приходит, что кто-то может не знать о смене власти. А я хочу отдохнуть. Хотя бы ванну принять. Вечерний пир меня пугает. Бароны напьются, и чем дело кончится – неизвестно... Я не осуждаю их. За одним столом

с бароном Алеком можно только напиваться. Кусок в горло не полезет.

– Франц, представь мне слуг барона и можешь идти.

Бланка уставилась на меня, как на внезапно заговоривший стул или другой предмет мебелировки, а Франц похлопал глазками и объявил:

– Ну... так это... Это же Бланка! Её все знают! Она здесь командует всем.

Я развеселилась. Наверное, от усталости. Не захихикать бы. Испорчу имидж...

– Очень хорошо, Франц, представь мне Бланку и можешь идти.

Бланка «отмерла», негодуяюще воззрилась на меня, и уже открыла было рот, как Франц всё-таки сказал:

– Госпожа баронесса, это Бланка. Она здесь управляет замком и слугами. Я могу идти?

– Стоять! Какая ещё баронесса, Франек?! Барон Роже никаких распоряжений не давал!

Вот это темперамент! Когда Бланка рывкнула «стоять!», я чуть не вытянулась по стойке смирно. Строевая подготовка в обучение «дорогих мамочек» не входит, а то бы точно «потеряла лицо».

– Барон Роже умер и забыт. Барон Зигмунд приказал проводить его жену к тебе, чтобы ты привела её в порядок к вечернему пиру.

– Барон Зиг... Это Сатх, что ли?

– Наш господин барон Зигмунд, – с нажимом произнёс Франц.

– Понятно, откуда ветер дует. И чего желает госпожа баронесса?

– В первую очередь принять ванну. Хочу смыть с себя копоть.

Бланка свистнула в серебряный свисток, висящий на витой цепочке на её внушительной груди. Из замка выбежали три молодые женщины, поклонились Бланке, с любопытством посматривая на меня.

– Госпожа баронесса, позволь представить тебе прислугу: Амалия, Розалинда, Шарлотта.

Девушки поочерёдно приседали, разглядывая меня из-под ресниц скромно опущенных глазок. Так смотреть я и сама хорошо умею.

– Приготовьте ванну. Госпожа баронесса желает смыть с себя копоть.

Не понравилась я Бланке. Ну и ладно. Мне есть о чём беспокоиться, помимо неудовольствия домомучи... домоправительницы. И Кобра ей тоже не нравится.

– А что такое сатх?..

Девчонки захихикали, Бланка нахмурилась, а Франц, всё ещё топчущийся неподалёку, сказал, беспомощно хлопая небесно-голубыми глазами:

– Ээээ... Ну это... Это они по незнанию, госпожа баронесса. Больше не повторится. Так я могу идти?

– Как только ответишь, Франц. Впрочем, иди.

– Ага! Спасибоочки! Желаю здравствовать госпоже баронессе.

Дитё малое. Сплошное умиление. Как он меня ещё тётенькой не назвал... А с мужчинами разговаривает нормально. Странно. Начинается упадок сил. Адреналин схлынул, и я еле держусь на ногах. А ещё пир. И надо быть «в порядке». Как это понимает Кобра?..

Очнулась уже в ванной. Все действия до этого производились на автопилоте. Устала смертельно. Притихшие девчонки помогли помыться, вымыть голову, наполнили ванну горячей водой, капнув в неё несколько капель цитрусового масла, и оставили меня, повинувшись жесту Бланки. Надеюсь, не утопит.

– Госпоже баронессе надо поесть.

Ох! Я ей всё прощу! Я и не думала, что настолько голодна!..

Ела ломтики вяленого мяса и пряные травки, заворачивая их в листья салата, сложенные горкой на серебряном блюде... Пару каких-то местных фруктов: сливы не сливы, персики не персики... Не разбери-поймёшь. Но запах приятный. И только собралась выпить чаю, вошёл мой самозванный супруг. Присел на край ванны, схватил ломоть мяса, салат, откусил сразу половину, с придурковатой улыбкой глядя на меня. Захотелось совершить срочное погружение. Как у древнего барда: «...Лечь бы на дно, как подводная лодка,

и позывных не передавать...»³

С трудом удерживаюсь, чтобы не прикрыться руками. И пены в воде, как назло, нет...

– Бланка, свободна.

Бланка недовольно поджала губы и не двинулась с места. Меня затрясло. Пока внутренне... Стараюсь ровно дышать. Вдох, выдох... А бешеный Зигги прорычал:

– Свободна, я сказал! Пошла отсюда!

За пиршественным столом я сидела очень прямо, в закрытом платье с высоким воротом, и ничего не ела. Пила минеральную воду, заставляя себя делать мелкие глотки... Меня не оставляла внутренняя дрожь, только теперь к ней прибавилась ещё и ломота во всём теле. А при криках «Горько!» хотелось кинуть вилку в глаз кричащему. Я бы попала точно в цель. Хотя у меня и подрагивают руки. Барон Зигмунд, супруг мой «перед небом и людьми» (он протащил меня через замковый храм, созвав баронов в свидетели), вставал с места, помогал мне подняться и впивался в мои губы. Я не привыкла к такому обращению! Но после четвёртого поцелуя поняла, что чем больше я сопротивляюсь, стараясь незаметно отстраниться, тем крепче меня целует мой благоверный (кажется, так называется венчанный супруг). И тем веселее хохочут гости. Бароны развлекаются. Господин барон Алек не почтил пиршественный зал моего мужа своим присутствием, поэтому все с аппетитом едят дичь, рыбу и всякие

³ Строки из стихотворения В. Высоцкого «Сыт я по горло...»

соленья, запивая это изобилие вином, льющимся рекой.

– Ты ничего не ешь, принцесса. Почему?

– Я не голодна, спасибо, господин барон, супруг мой.

– Тебе надо набираться сил, Воробышек.

– Я... поем... позже. Спасибо, что заботаешься обо мне.

– Не лги мне, принцесса! – бешеный шёпот, прикрываемый лёгкой улыбкой.

Ужас накатывает ледяной волной, вышибая дыхание. Нет, я не боюсь Кобру. Это господин барон Алек решил присоединиться к пирующим. Чёрные крылья неизменного плаща вихряются вокруг выходца из девичьих грёз. Пара шагов, и он уже здесь. Что-то у меня со зрением. Не могу правильно оценить расстояние.

Шелестящий голос лениво проговаривает стандартно вежливые фразы поздравлений и пожеланий, а господин барон подчеркнуто внимательно разглядывает мою шею. Точнее, красные пятна на ней, которые завтра почернеют. Тонкая соболиная бровь приподнялась вопросительно-насмешливо. Кобра ответил змеиной улыбкой. Барон, коротко поклонившись, отошёл на шаг. Рядом со мной тут же освободили место, и господин барон изволили присесть к столу. Присутствующие схватились за кубки, как утопающие за соломинку. После парочки «Горько!», выкрикнутых очередными любителями посмеяться, барон Алек выразительно поморщился, и больше таких криков не было. Благодарность моя поистине безгранична!

Пьянка набирает обороты. Как там у барда? «Уже дошло веселие до точки...»⁴

А господа бароны тихо переговариваются. Вчетвером. Мой супруг, барон Алек, и ещё двое, похожие на польских панов старых времён. Я не прислушиваюсь. Меньше знаешь – крепче спишь. Хотя в моём случае о сне речи не идёт. Кобра пообещал мне возместить ночью недостаток внимания, которое он уделил мне днём. Я не понимаю этого. С «дорогой мамочкой» положено сближаться не более трёх раз за сутки. Она должна отдохнуть... Но говорить на эту тему с бароном Зигмундом я не намерена. Он всё сделает наоборот. Поцелуи по варварскому обычаю это ясно продемонстрировали.

В боковые двери пиршественной залы вошли несколько женщин в открытой яркой одежде. Я встала из-за стола. Барон, не глядя, схватил меня за руку и дёрнул к себе. Сдерживаюсь изо всех сил, чтобы не заорать, устроив безобразный скандал. Вспоминаю историю феодализма: когда мужчины переходили к крепким напиткам и мужским развлечениям, дамы удалялись.

– Супруг мой, я вас покидаю. Господа бароны, развлекайтесь.

У Кобры сузились глаза, но барон Алек, посмотрев в зал, тронул его за руку и кивнул. Начинаю любить барона Алека...

⁴ Строка из стихотворения В. Высоцкого «Смотрины»

– Франц! Проводи госпожу баронессу.

– Слушаюсь, господин барон! А куда её проводить?

Почти ожидала конкретного, по-военному, указания дороги, но барон Зигмунд меня удивил, спокойно сказав:

– Отведи мою жену к Бланке.

– Слушаюсь, господин барон! – и уже мне:

– Пойдём, госпожа баронесса.

Бланку мы обнаружили идущей к дверям пиршественного зала. Франц обрадовался, передал меня с рук на руки и исчез в боковом проходе. Надо изучить план замка. Это просто лабиринт какой-то, куда там подземному!

Молча иду рядом с домоправительницей, стараюсь запомнить дорогу. Два поворота налево, пропустить проход, ещё раз налево, пропустить проход, теперь направо, вверх по лестнице на три пролёта, прямо, пропустить три прохода, налево, направо, направо, лестница, подняться на пять пролётов, направо, прямо и упёрлись в дверь, которую Бланка открыла ключом. Попали в небольшую квадратную прихожую. Потом – гостиная, оттуда проход в зимний сад, будуар и спальню. Есть ещё кабинет. Или молельня? Ну и удобства, конечно.

– Это покои жены хозяина замка, госпожа баронесса. Какая из горничных для тебя предпочтительнее?

– Пусть меняются, Бланка. Я на глаз не могу определить. Или сама реши. Ты их знаешь, я – нет.

Морщась, сдираю с себя платье и бельё. Перешагиваю

и иду в душ. Бланка цокает языком за моей спиной. Ещё бы! Я вся в синяках и ссадинах. У господина барона стальная хватка и абсолютное пренебрежение условностями.

Спать улеглась одна. В кровати можно потеряться. Бланка пригнала массажистку, и та размяла каждую мою мышцу. Дрожь прошла. Напилась наконец-то чая и уснула. Амалия спит в отдельной комнате, совмещённой с будуаром. Входа снаружи в неё нет.

Проснулась оттого, что с меня начали сдирать рубашку, дыша перегаром. Вывернулась из пьяных рук, оставив в них ключья многострадального ночного одеяния. Стою в лохмотьях возле кровати, босиком на пушистой шкуре какого-то животного, смотрю на медленно звереющего мужа... Чудесный вечер обещает перерасти в не менее чудесную ночь. Но в этом вопросе я на уступки не пойду. Пусть не надеется!

- Принцесса, не играй со мной. Это плохо кончится.
- Ты пьяный. В мою постель пьяным не приходят!
- Ты запрещаешь мне пить?

Весёлый интерес. Судя по этим нескольким дням нашего знакомства, муж мой в самом опасном своём состоянии. Ну, может, не в самом... Я его почти не знаю.

- Я ничего тебе не запрещаю. Я сказала, что в мою постель пьяным не приходят. И тому есть причина.
- Говори, принцесса, мне интересно.
- Это может сказаться на здоровье детей.
- Дете-е-ей?

Кобра озадаченно помотал головой, упал на постель и расхохотался. Я растерянно моргаю, не понимая, что смешного я только что сказала.

– Я исправлюсь, Воробышек. Вот прямо сейчас исправлюсь.

Не знаю, где учился Кобра, а нам преподавали это на курсах выживания. Как с помощью дыхательных техник наполнить кровь кислородом и разложить практически любое отравляющее вещество, попавшее в кровь, на безобидные составляющие. Если есть хотя бы минута, то результат гарантирован.

И вот со мной в спальне совершенно трезвый и злой муж. Мой господин, стоящий между мной и опасностями этого мира. Пять месяцев мне ещё здесь жить... Надо приспособливаться. Смотрю с опаской. Кто знает, чего от него ждать... Протягивает мне руку:

– Иди сюда, принцесса. Я уже трезвый.

Опять занyli все мои синяки. Но я храбро цепляюсь за руку своего мужа и повелителя и карабкаюсь на постель. Тихий издевательский смех:

– Послушная принцесса.

– Я не принцесса.

– Возможно. Но ты ведёшь себя как принцесса. И на плече у тебя знак клана, который ставят только высокородным.

– Это совсем не то! Это... Я не смогу объяснить. Но я не принцесса.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, Воробышек. Первое: к тебе не прикасаются без разрешения. Второе: ты ожидаешь от любого, что он будет заботиться о тебе. Третье: для тебя нет ничего необычного в том, что тебя защищают даже ценою жизни. Достаточно? Скажи, где я ошибся?

– Всё правильно. И всё-таки я не принцесса. Эта татуировка – знак чистоты крови. И генетической линии. Больше ничего.

– Не буду спорить с тобой, принцесса. Не хочу тратить время на пустые разговоры.

И больше мы в ту ночь не разговаривали.

– Подъём, принцесса!

И тут же дорогой супруг вытряхивает меня из кровати и тащит в холодный душ. А на улице ещё тьма кромешная...

– Совести у тебя нет! Я только уснула! Ночь ещё. Темень за окном...

– Выказалась? Тогда одевайся. Или продолжим ночь, я не против.

Лазаю по шкафам в поисках одежды, муж начинает злиться.

– Ещё пара минут, принцесса, и пойдёшь в чём есть.

– В синяках, что ли?

Опять счастливая улыбка и ласковая придурь в глазах. Вываливаю всё из ящичков, хватаю первую попавшуюся тряпку, оказавшуюся батистовой сорочкой, с тоской вспоминаю свой комбез от Серых лордов... Господин барон Зигмунд

бьёт кулаком в стену комнаты для прислуги и ревёт как раненый буйвол:

– Амалия!!!

Заспанная горничная выскакивает из комнаты, низко кланяясь барону.

– Где костюм, в котором моя жена была днём?!

Амалия молнией метнулась к стене возле двери, ведущей в будуар, открыла стенной шкаф, о существовании которого я не подозревала, и достала комбез, бельё и берцы. Какое счастье! Сбрасываю сорочку, мгновенно облачаюсь в униформу, шнуруя берцы, думаю, не предстоит ли мне марш-бросок по горам. Но времени стараюсь не тратить. Мужчины не любят ждать. А мой муж свой запас терпения на сегодня уже исчерпал.

Марш-бросок на знакомую гору, потом быстрый спуск внутри горы по всем уровням полосы, а точнее, спирали препятствий. Выходим из пещеры полюбоваться взошедшим солнцем. Барон недоволен:

– Завтра собирайся быстрее, принцесса. После завтрака жду тебя на тренировочной площадке. Пришлю Франца тебя проводить. Разрешаю идти.

– А ты не будешь завтракать? Со мной?

– Я позавтракаю с баронами. Иди, принцесса!

Рявкает как медведь. Заглядываю снизу в лицо мужа – в глазах неудовольствие. Демонстративно вздыхаю (как в дамских романах) и иду в замок. Тяжеленная дверь рас-

пахивается настежь, отскакиваю назад, чтобы не получить створкой по лбу...

– Приветствую, баронесса Воробышек!

– Доброго дня, барон Алек, бароны.

Барон Алек любезно придержал дверь, чтобы я могла пройти. Паны бароны раскланялись со мной рассеянными кивками. Военный совет в сборе. Бегу завтракать. В ванной есть утилизатор, а в будуаре – кабина-ателье. Днём надо заняться моделированием одежды. Попросить Бланку помочь. А то я намудрю с фасонами, барон будет недоволен. Пока что мой муж очень старается быть добрым со мной. И пусть это продолжается как можно дольше.

Вбежала к себе, усилием воли подавив желание крикнуть: Бланка!!! Завтракать!!! (с кем поведёшься, от того и наберёшься). Комбез – в утилизатор, берцы – Амалии с приказом вычистить, сама – в ванную. Контрастный душ, махровый халат, выхожу в будуар, усаживаюсь перед трельяжем. Шарлотта с щёткой для волос вычёсывает меня, как персидскую кошку. Волосы, как львиная грива, блестят и потрескивают. Приказываю заплести плотную косу, вплетая узкую бархатную ленту.

Меняю махровый халат на атласный типа кимоно, иду в гостиную завтракать. Бланка – гениальная домоправительница. Хотя я ей и не нравлюсь, но она мне вместо кофе заварила крепкого чая. Опять надеваю свежевывчищенный комбез, Амалия подаёт берцы. Только я их зашнуровала, по-

явился Франц. Господа бароны изволили закончить завтрак.

Идём с Францем на тренировочную площадку. Старательно запоминаю дорогу. Вот где надо проводить экзамен по пространственному ориентированию! Страшное дело! Я точно знаю, что здесь есть короткие дороги. Но меня водят по длинным. И мой муж, и Франц. Не доверяют...

Тренировочная площадка находится на заднем дворе замка. Чего тут только нет! Но супруг мой поджидает меня на пяточке, огороженном канатами. Боксировать с ним я не буду. Ещё чего! У него кулаки размером с мою голову. Ну... меньше, конечно, но ненамного.

– Шевелись, принцесса! У меня мало времени! Через час начнётся охота.

Споткнулась, но удержалась на ногах. И почему я решила, что Большая охота закончилась? Нас оставалось девять. Меня отправили сверх программы по приглашению барона Алека, значит, ещё неделю бароны будут охотиться. И мой муж тоже... Будет охотиться на людей... А потом? Вспомнила дикие крики, раздающиеся в подгорных коридорах... Рот наполнился слюной с металлическим привкусом, испугалась, что мне станет дурно... Остановилась, дышу. Вдох, выдох... Спокойно. А мужчинам выдают боевые ножи... Правил нет... Вдох, выдох... Спокойно... Спокойно... Внезапно оказалась в воздухе, на руках у Кобры, с тревогой смотрящего на меня.

– Принцесса, тебе нездоровится? Мы сократим трениров-

ку. Или позвать лекаря? Не молчи, Воробышек!

Опять злится. А я просто растерялась. Меня никогда не носили на руках. Странное ощущение...

Мы всё-таки потренировались. Кобра гонял меня на предмет боя без оружия. У нас разные школы, абсолютно разные. Так что скучать в ближайшее время не придётся. Будем обучать друг друга.

Я не стала спрашивать, пойдёт ли Кобра на охоту. Вероятно, он, как принимающая сторона, обязан участвовать. Неделя... Хочется спрятаться под одеялом и не выбираться наружу... Вместо этого спросила, что такое Сатх. Кобра улыбнулся по-змеиному и поинтересовался, где я это слово услышала. Получив в ответ «не скажу», развеселился и сказал, что так его называет Бланка. Я индифферентно молчу, жду продолжения.

– Это такая змея, принцесса. Очень крупная и очень ядовитая. Яд такой силы, что разъедает кожу. Любит жить в пещерах.

Я представила, что в пещерах, помимо барона Алека, могла встретить ещё и змей... Очень крупных и очень ядовитых...

– Что-то ты побледнела, принцесса... Не трясись, в наших горах сатхи не водятся. Слишком холодно для них. У Алека в лабиринте есть пара-тройка, но во время охоты их запирают.

– А если барон Алек привёз с собой любимую змею?

– Я бы, может, и привёз, но ройхи их не терпят. Но если баронесса Воробышек желает увидеть сатх, мой лабиринт всегда открыт для неё. Зигги, охотники собираются.

При первых звуках шелестящего голоса я прижалась к Кобре. А сейчас он насмешливо смотрит на меня, отвечая барону Алеку:

– Алек, твоё присутствие благотворно действует на баронессу. – Я содрогнулась. – Погости у нас подольше.

И опять заревел, прямо у меня над ухом:

– Франц!!! Франц, бездельник! Где тебя носит?! Проводи баронессу в её покои!

Барон Алек мечтательно улыбается, рассматривая меня. Боюсь предполагать, о чём он при этом думает.»! Благотворно действует»... Интересно, где Кобра воспитывался? Но рядом с бароном Алеком, если сразу не помрёшь от страха, то всегда будешь в тонусе. Это мой муж точно подметил.

Глава пятая

О попытке захвата замка, а также о проблемах взаимопонимания, о наивности и доверчивости, едва не приведшим к трагедии.

Я смотрела на мужа, старательно игнорируя то, что мы с ним находимся под прицелом. Смотрела, надеясь увидеть в его глазах хотя бы тень подсказки: как мне поступить. Бароны скалились как молодые волки, а я пыталась задним числом понять, как такое могло произойти.

Охота окончилась, бароны отбывали один за другим. Первыми наш замок покинули двое панов и барон Алек. Долг вежливости требовал провожать гостей. Вот только оставшиеся семеро баронов улетать не захотели. Они, как и все покидающие замок, собрались на посадочной площадке для ройхов, а их дружинники с арбалетами заняли места лучников барона Зигмунда. Что с лучниками – неясно. Или уже мертвы, или нейтрализованы. Нам они не помогут, это совершенно точно.

– Повторяю предложение: ты, Зигги, отправляешься в лабиринт. Но для тебя мы слегка изменим правила: ножа ты не получишь, зато фора твоя зависит от твоей жены. Пока

она будет нас ублажать, у тебя есть время уйти подальше. А может быть, у неё хватит сил продержаться до твоего выхода из лабиринта? Кто знает...

– А может, отправим в лабиринт малышку? А Зигги отрабotaет для неё фору? А, Зигги? Что скажешь?

И Зигги сказал. Я поняла только предлоги, но бароны восхитились. Вероятно, обнаружили смысл в той пригоршне слов, которую мой муж швырнул им в ответ.

– Да ладно тебе, Зигги. Насчёт тебя это была неудачная шутка. Пусть твоя малышка думает. Может, приказать прострелить тебе ногу? Чтобы она думала быстрее?

– Это нарушит закон свободы выбора, барон. И я буду вынужден принять меры.

Впервые звук шелестящего голоса барона Алека обрадовал. Впрочем, судя по его словам, особенно радоваться нечему. Барон Алек вмешается, если будет нарушен закон. А выбираться мы с мужем должны сами.

– Проклятье, барон Алек! Ты же улетел?!

– Перчатки забыл.

Мечтательная улыбка, ласковый взгляд на оторопевшего барона, разом утратившего большую часть своей наглости, и скучающее презрение в шелестящем голосе. А я смотрю на мужа и вижу абсолютно безразличное лицо. Никаких чувств, ни намёка. С таким лицом хорошо в карты играть. Пресловутая свобода выбора? Что мне делать?! Что?! Я, конечно, выдержу этих подонков, если я всю ночь в руках мужа

выдерживаю... Он меня выгонит потом или убьёт, но получит крохотный шанс выжить. Барон Алек проследит, чтобы всё было по их дурацким законам. А может, не дурацким. Просто я их не знаю. Эти идиоты не понимают, с кем связались. Они ещё живы только потому, что я под прицелом... Я... Идиотка! О чём думаю?! Шанс выжить?! А как мужчине жить, если каждый ублюдок будет тыкать пальцем, что его жена платила натурой выкуп за его жизнь!

Делаю шаг вперёд. Вижу ожидающие улыбки баронов и нежную улыбку барона Алека, сопровождаемую ласковым взглядом. Таким взглядом барон во время прощального ужина смотрел на запечённую в пяти пряных травах дичь. И слова пришли сами:

– Вы явились в дом моего мужа как гости. И нарушили законы гостеприимства.

Шелестящий голос оборвал меня:

– Наши законы не нарушены, баронесса Воробышек.

– Пусть так. Захват замка, убийство стражников законов не нарушают. А хозяева могут убить гостей? Если гостям позволено убить хозяев?

– Не совсем так, баронесса. Жёну барона убивать нельзя. Таков закон.

– А где подводный камень?

– К вдове барона это не относится. Ну и, разумеется, если жена барона примет решение добровольно выполнить требования захвативших замок, это тоже наших законов не на-

рушает.

– Понятно. Придётся вам удовлетвориться замком, бароны. Меня вы не получите. Я – жена барона Зигмунда.

– Барон Алек законы знает. Но мы их тоже знаем, малышка. Право сильного. Лучше ляг добровольно. Для тебя лучше.

– Право сильного, говоришь? Хорошее право. Самое древнее из всех. У него есть только один недостаток: его надо доказывать. Докажи мне своё право сильного, барон.

Я начинаю впадать в амок. Стараюсь сдержаться, но... Всё-таки надо сдержаться. Нельзя терять голову. Спокойно... Вдох, выдох... Спокойно... Вид прикрывшего глаза и облизывающего губы барона Алека подействовал как кувшин ледяной воды. Вот кому я никогда не осмелюсь предложить доказать мне своё право сильного...

– Нужна ты мне. Ты даже на женщину не похожа. Недоразумение. Кто хочет позабавиться с женой гостеприимного хозяина? Уступаю очередь.

Шестеро баронов с гадкими улыбочками шагнули ко мне. Ещё пара шагов, и они закроют обзор арбалетчикам. Но я не могу ждать, пока меня схватят. Счастье, что мы пошли провожать этих ублюдков после утренней пробежки по лабиринту. На мне комбез и берцы. И два метательных ножа в наручных ножнах, прикрытых рукавом. И боевой нож Кобры на поясе. Но я пока погожу его доставать. У этих придурков на поясах тоже ножи есть. Ножны стандартные, без сек-

рета. Вот и ладушки. Где были – у бабушки...

«Бей быстро, сильно, и не останавливайся». Так меня учил патриций, давший мне имя Воробышек. Я пляшу вокруг подонков, мельтешу у них перед глазами, не позволяя себя схватить. Они боятся оказаться рядом с Коброй. Правильно боятся, но мне это не облегчает танец со смертью. Двое уже выбыли навсегда. Первому я пробила глаз средним пальцем, достав до мозга, и, пока он падал, левой рукой вытащила его нож, броском снизу отправила на тот свет второго, его нож достать не удалось, но я не унываю. Прошло всего-то секунд пятнадцать.

Как говорил наш инструктор по убо⁵: «Один человек всегда сильнее группы. Если только эта группа не натренирована для нейтрализации одного человека». Бароны – не натренированы. Поэтому я заставляю их мешать друг другу, путаться в ногах, и в подходящий момент ломаю шею споткнувшемуся неудачнику. Очень удобно он падал, только руку протянуть и дёрнуть. Сухой хруст на мгновение останавливал нападающих. Ну а мне для чего останавливаться? Я как раз ножичком разжилась и тут же от него избавилась, бросив в одного из оставшихся баронов. Бью в глаз, благо расстояние позволяет. И осталось их двое. Плюс третий – вне игры. Ну, это он так думает, наивный. Потому что Кобра уже не стоит на месте. Арбалетчики катастрофически опаздывают. А вот не надо отвлекаться на чужую драку!

⁵ убо – убийство без оружия

Да... Хорошо быть мужчиной. Ткнул кулаком легонько, и противник в отключке. Я, наверное, тоже могла бы не убивать... Но мне хотелось убить их. Поспешила... Так бы они отправились в лабиринт. К барону Алеку. Хватит с меня охоты. Хотя меня не спросят. Устроила двум оставшимся подонкам болевой шок. Не до смерти, а чтобы прочувствовали. Этому нас тоже учили. Иногда достаточно продемонстрировать серьёзность намерений и способность причинить сильную боль.

Вопли корчащихся от боли баронов радуют мою душу. Барон Алек улыбается как ребёнок перед витриной с пирожными. Смотрю на мужа:

– Подходяще пляшешь, принцесса.

Скупая похвала неожиданно смутила и обрадовала. Я заулыбалась. Наверное, от пережитого стресса. Почему я думала не о собственном спасении, а о муже? Это ненормально. Может быть, я схожу с ума? Если в Новом Вавилоне об этом узнают, меня отправят на психологическую реабилитацию. «Дорогая мамочка» должна заботиться только о собственной безопасности. В первую, вторую и прочую очередь! О собственной! Сохранить способность рожать здоровых детей! Смешно, но если бы я действовала так, как должна была действовать «дорогая мамочка», вмешательства барона Алека не потребовалось. Мы бы успели справиться раньше. А я боялась (я!!!), что Кобра не успеет увернуться от арбалетного болта...

Кобра шагнул к барону Алеку и двинул ему кулаком в челюсть. Я ожидала, что барон отлетит. Но он только покачнулся и перехватил руку моего мужа, собравшегося ударить его ещё раз.

– Достаточно, Зигги. Я понимаю, что ты переволновался, поэтому прощу тебе этот удар.

Из ответа барона Зигмунда я опять поняла только предложения. Барон Алек выразительно скривил окровавленные губы.

– Зигги, если ты вдруг запамятовал, здесь твоя жена.

– Кстати, да! Принцесса, о чём ты так долго раздумывала, выслушав предложение барона?

Пнул ногой в живот лежащего ничком барона, перевалившегося при этом на спину. Опять ласковая придури в глазах. Злой. Стресс?

– Меня тоже бить будешь?

Посмотрел, стиснув зубы. Отвернулся и пошёл в замок. На стенах чужие арбалетки, в замке неизвестно что творится, а он пошёл туда один. Беспомощно смотрю на барона Алека. Барон, не обращая на меня внимания, жестом согнал арбалетчиков со стены.

– Этих связать. Самим – в казармы. Сдать оружие, ждать распоряжений.

– Господин барон Алек...

Чёрной кляксой взметнувшийся плащ. Задушенный хрип, бульканье, запах крови. Лихорадочные движения оставшихся арбалетчиков, связывающих баронов. Мелькнувшая сле-

ва тень и ласковый взгляд изумрудных глаз, в глубине зрачков которых сытой змеёй ворочается туманная дымка. Длинные музыкальные пальцы в крови... Чуть дрогнувшие тонкие ноздри. Тихий шелест мёртвых листьев:

– Баронесса Воробышек...

Замираю, не дыша. Ужас ледяными волнами расходится от любезно улыбающегося барона Алека. И... Тишина. С трудом поднимаю глаза. Веки, кажется, придавлены пудовыми гирями. Барон, не двинувшись с места, с любопытством разглядывает меня. И когда я уже готова была закричать, впад от страха в истерику, продолжил:

– Позволь мне проводить тебя в замок.

– Благодарю, барон Алек, но я не заблужусь. Замок прекрасно виден отсюда.

– Идёшь слева, на шаг позади меня.

Отвернулся от меня и пошёл к замку. И? Что толку разговаривать? Отправилась следом. Как служебная собака. Слева и на шаг позади барона. Впрочем, служебная собака идёт у левой ноги. А женщине такая привилегия недоступна. Муж зол. Ещё не хватало барона Алека разозлить для полного счастья. Чтобы уже наверняка...

Из дверей замка выходит Франц и бежит к нам. Что-то ещё случилось? Или меня выгоняют из дома?

– Господин барон Зигмунд просит господина барона Алека присоединиться к нему за столом.

Выпалил на одном дыхании и, довольный собой, смотрит

на остановившегося барона Алека. Барон милостиво кивнул Францу. А может, входной двери... У барона Алека не поймёшь.

– Проводи баронессу в её покои, Франц. Я сам найду дорогу.

Иду молча рядом с Францем. Коридоры, переходы, галереи, лестницы. Дорогу запоминать не хочу. Всё равно в одиночку мне здесь не ходить. А может быть, и вообще не ходить. Сейчас барон Зигмунд передаст меня барону Алеку, и тот отправит меня в свой лабиринт. Сатх кормить. Или барон Зигмунд прикажет меня запереть. Не оправдала доверия. Стояла раздумывала над грязным предложением, вместо того чтобы гордо полоснуть себя по горлу...

Пришли в мои покои. Франц ушел, а я отправилась в душ. А то барон Алек уж очень заметно приноховался. Даже глаза прикрыл. Это только мертвые не потеют. А я после пляски с баронами должна освежиться. Ни одной живой души. Ну и плевать. Приняла душ, наполнила ванну, брызнула туда цитрусового масла и залегла, положив под голову свёрнутое полотенце. Главное, чтобы на голову никто не наступил. Ванна утоплена в пол. Лежу дремлю.

Проснулась от звука истерических женских рыданий и строгого голоса Бланки.

– О чём ты думала, дурья твоя башка?! Ты понимаешь, что сделала?!

– Я-а-а-а... Я-а-а-а... Н-н-н-не з-з-з-н-на-а-а-ла... Я-а-а-

а н-н-не х-х-х-хот-т-те-е-е-ла-а-а, г-г-г-гос-с-с-п-п-п-п...

Звук пощёчины и затихающие всхлипы.

– Пришла в себя? Лотта, отвечай!

– Да... спасибо... госпожа Бланка, – еле слышно, с паузами, но уже без истерического заикания.

– Сейчас мы пойдем к господину барону, и ты всё ему расскажешь. Не мотай головой, Лотта. Ты хочешь отвечать барону Алеку? Тогда мы никуда не идём. Ждём здесь. Вот умница. Барон Зигмунд никогда не обижал женщин. Даже на охоте. Сейчас Франек отправится просить для нас аудиенции. И молись, Лотта, крепко молись, чтобы господин барон принял нас наедине. Без барона Алека.

Что это было? Вылезла из ванной, надеваю махровый халат, причёсываюсь. Лотта... Голос знакомый... Шарлотта, ну конечно же! Разъясняется загадка отсутствия лучников? На предательницу Лотта не похожа. Старательная девушка. Недалёкая – что есть, то есть. Но предать? Надо бы пойти послушать, только кто же меня пригласит? Барон злой... Барон Алек вообще... недобрый. Буду сидеть у себя.

Займусь рукоделием. Домашнее платье сделаю себе. Здесь такой агрегат стоит – мама не горюй! Модельеры от зависти удавятся! Символика, правда, непонятная, ну так меня никто и не торопит. Бланка показала основные символы. А судя по количеству разделов, при его помощи можно изготавливать всё: начиная с кружевных платочков и заканчивая шубами и сапогами. Для «дорогих мамочек» рукоделие заменя-

ло антидепрессанты и релаксанты. Так что представление я имею. Простеньким автоматом-ателье я тоже пользовалась. Ну и... Вперёд!

К полудню мне удалось-таки сваять что-то отдалённо похожее на домашнее платье. Даже узенькую кружевную тесьму по нижнему платью пустить в качестве оторочки. Надевать эту жуть я, конечно, не стала. Если вдруг барону вздумается посетить меня в моём одиночестве, то спугнуть его платьем я не хочу. Зато я разобралась с большей частью символов. И с образцами, и со смотровыми экранами... И с моделированием. Ну... Почти... Быстро перекусила и вернулась в рабочую комнату. Надо мерки снимать. Страшно. Что-нибудь не то нажму, и останусь без головы.

Сняла с себя всё и встала на выдвинувшуюся платформу. Постояла, проделала несколько гимнастических упражнений и несколько йогических асан. На экране – голографическое изображение. Набросила халат. Занялась созданием белья. Получилось! Получилось! А вот теперь можно и платьем озаботиться. Поскольку уже вторая половина дня, надо делать сразу вечернее. Высокий ворот, длинный рукав, юбка, метущая пол. Без вариантов. Вот с отделкой и дополнениями можно поэкспериментировать.

Результат оказался до неприличия похож на старинные гравюры, иллюстрирующие романы о рыцарских временах. Дамы щеголяли одеждой примерно такого же покроя. А вот с цветом меня переклинило. Некстати вспомнились окровав-

ленные пальцы барона Алека, и вместо чёрного, тёмно-синего или там тёмно-зелёного я сделала густо-клюквенное одеяние. Аксамитовое верхнее платье с широкими рукавами длиной три четверти и юбкой длиной до пола сзади и чуть ниже колена спереди. Кайма по подолу и краям рукавов – златотканая. Под ним платье из плотного шёлка с вытканными веточками длиной до пола, с длинными узкими рукавами и высоким воротом, доходящим до подбородка. Самое нижнее платье – белое, из хлопкового волокна, с узкими рукавами три четверти и подолом длиной до щиколотки, и под ним – небелёная льняная короткая сорочка. Туфли сделать не успела. Прибежал Франц, потребовал немедленно идти к барону. Так и пошла – босиком в одних прозрачно-чёрных чулках и в парадном одеянии. Волосы тоже распущенные. Хорошо хоть причесаться догадалась после ванной.

Пришли в кабинет барона. Франц постучал, открыл передо мною дверь и закрыл её за моей спиной. Кобра сидит за столом, рассматривает меня с головы до ног, и с ног до головы. В одиночестве. Ни Бланки с Лоттой, ни барона Алека, не к ночи будь помянут, в кабинете не наблюдается. Молчу и я.

- Вроде бы ты была повыше, принцесса. Нне?
- Это мой настоящий рост. Не успела сделать туфли...
- Не стой на полу. Сядь в кресло. Что ты знаешь о наших обычаях?
- Ничего. Кроме тех, о которых утром рассказал барон

Алек.

– Сегодня мы выдаём замуж одну из твоих горничных, принцесса. Будешь посажённой матерью.

– А кто будет посажённым отцом?

– Барон Алек.

– И барон Алек согласен?

– Да.

Я слушаю мужа, задаю ему вопросы, получаю рубленые ответы и просто физически чувствую, как между нами вырастает стена. Потому что я так и не ответила на его вопрос: о чём я так долго думала, получив грязное предложение от барона. А мне страшно отвечать на этот вопрос. И я молчу. И стена растёт, и становится монолитной.

– Вот всё, что я хотел тебе сказать, принцесса. Можешь идти. Франц ждёт за дверью.

Встаю и направляюсь к двери. И думаю, что всё к лучшему, Кобра больше не придёт ко мне ночью, не разбудит за час до рассвета, когда я только-только успела заснуть, не отправится со мной в лабиринт, ещё раз усложнив дорогу, я буду жить под его защитой и без него. А через почти пять месяцев сработает портал возврата. И моё испытание закончится. Меня перенесёт на Новый Вавилон из любого места, где бы я ни находилась. Всё очень хорошо складывается...

Поворачиваюсь у самой двери. Кобра на меня не смотрит, разглядывает какой-то рисунок на куске кожи.

– Я...

– Я занят, принцесса. Поговорим позже. Иди, делай себе туфли.

Спокойный доброжелательный голос. Он уже вышвырнул меня из своей жизни. Не уйду. Пусть орёт, пусть даже дерётся. Я тоже буду драться.

– Ты спрашивал, о чём я так долго думала, получив от барона предложение заработать для тебя фору.

– Мне это уже неинтересно, принцесса. Действительно неинтересно. Ты можешь идти.

– Я уйду. После того как отвечу на твой вопрос. Я рассматривала мысль принять это предложение. Дать тебе крохотный шанс. Я не хочу... не хотела, чтобы тебя убили. Потом, когда до меня дошло, что своим согласием я сама тебя убью, я ответила барону так, как должна была ответить сразу. Вот. Теперь ты можешь меня выгнать, убить или отдать на корм змеям барона Алека.

Поворачиваюсь и берусь за дверную ручку. Дверь вздрагивает и расцветает рукояткой ножа, пробившего обе створки. Кобра промахнулся?

Меня подхватывает стальным вихрем, отрывает от дверной ручки, в которую я машинально вцепилась, и я оказываюсь в руках у Кобры, присевшего на стол.

– Принцесса... Что за выступление?... Что это за «выгнать, убить... отдать змеям Алека»?

– Я испугалась, что ты разочаровался во мне. Ты видел во мне принцессу. А я не принцесса и не умею вести себя

соответственно. И ты не придёшь ко мне, я уже не нужна тебе, такая...

– Женщины... Вы удивительные существа... Хорош плакать, принцесса. Всё нормально. Ты меня не можешь разочаровать. Иди готовься к свадьбе. Я действительно очень занят. Иди, принцесса.

Встал на ноги, держа меня на руках, дошёл до дверей, вытащил из них свой нож, опустил меня на пол, шлёпнул по задку.

– Увидимся на свадьбе.

– А барон Алек, он... обязательно должен быть посажённым отцом?

– Обязательно.

Поцеловал меня в макушку и выставил за дверь. Вздохнула, повернулась к Францу.

– Возвращаемся, Франц.

Глава шестая

О свадебных хлопотах, а также о самой свадьбе, ревности барона и о подготовке приданого.

Обратную дорогу я пролетела не заметив. Надо сделать головной убор. Или покрывало? Чтобы соответствовать образу? Вспомнила, что на некоторых гравюрах дамы были изображены в высоких колпаках с вуалью на остром кончике. Что-нибудь такое сотворить? При моём росте... Ладно, не будем изощряться. Ещё на Лотту надо посмотреть, в чём она собирается венчаться. Барон Алек не должен испытывать дискомфорт, ведя невесту к жениху... От него и так жутко вест. А уж если он разозлится... Не надо нам таких экспериментов! И туфли!.. Хорошо, что в замке полы с каким-то покрытием. Ноги не мёрзнут. А то бы уже чихала... Влетаю к себе. Меня уже ждут Бланка и Лотта.

– Господин барон сказал, что одна из моих горничных выходит замуж. И что я буду посажённой матерью. Бланка, мне нужны пояснения. Я не знаю традиций баронств. Что я должна делать? И кто невеста? Ты, Шарлотта? В чём ты пойдёшь венчаться? Имей в виду: посажённым отцом будет барон Алек, и господин барон должен вести к жениху красивую и нарядную невесту... Франц, подними её!

Франц, не шевелясь, вытаращился на меня, шевеля губами а я задумалась: не слишком ли быстро говорю... Как Трандычиха⁵. Не знаю, кто она такая, но её упоминал наш учитель истории, когда мы с девчонками начинали тараторить. Бланка обмахивается платком, беззвучно смеясь. Шарлотта в обмороке. Вероятно, от счастья. Ага, сам барон Алек в посажённых отцах! Она свою свадьбу на смертном одре вспомнит!

Вынимаю цветы из вазы, выливаю воду на невесту. Времени мало, нечего разлёживаться! Шарлотта садится, ошеломлённо трясая головой и разбрызгивая воду. Франц успокаивающе гудит:

– Лотти, я же сказал, господин барон Зигмунд всегда держит слово! Сказал – сделал! Ты вспомни, когда он объявил, что женится только на той, что сможет пройти лабиринт? Три года прошло, а он вспомнил и женился на госпоже баронессе!

Где-то далеко-далеко послышался звон... Разбилось что-то хрупкое... И очень дорогое. А острые осколки впивались и впивались в меня. Как больно! Бланка встала на цыпочки и ударила Франца кулаком в лоб, заставив его перед этим нагнуть голову. Улыбаюсь. «Дорогих мамочек» учат не демонстрировать свои чувства окружающим. Потому что наши чувства не имеют значения.

– Шарлотта, свадебное платье! И туфли! Что ещё нужно, кроме фаты, Бланка? Букет невесты?

– У Лотты нет другой одежды, госпожа баронесса. Она работает в самом лучшем из своих платьев. Лотта честная девушка, и не получает подарков за услуги.

– Это понятно. Непонятно, где брать платье... Так, Франц, свободен! Шарлотта, идём одеваться.

Я не заплачу! Не дождётесь! Пусть барон женился на мне по обещанию! Пусть! Мы всё равно женаты. И я не буду портить себе оставшиеся до возвращения дни. Их и так мало осталось. Уже меньше пяти месяцев...

Заставляю Шарлотту раздеться и встать на платформу для снятия мерок. Она заартачилась было, но Бланка живо привела её в чувство. Так что гимнастические упражнения Лотта проделывала уже без возражений. Голографическая модель есть. Разрешила Лотте одеться. И задумалась над платьем. С бельём более-менее ясно: батистовая сорочка, нижнее платье из поплина, белые чулки. Спросила Бланку, какого цвета должно быть платье невесты. Оказывается, любого, кроме белого и синего. Белый – цвет траура у простого люда, синий – у баронов.

Чулки надо делать жемчужно-серые. А сорочку и нижнее платье – светло-голубыми. Декольте невесте не положено. Да и не носят здесь приличные дамы декольтированные платья. Товар лицом показывают те, кто им торгует. Платье в пол, с высоким воротом и длинными узкими рукавами скопировала со своего. Только сделала его ярко-голубым. А вот верхнее платье – из жемчужно-серых кружев. Как снег в сумер-

ках. Вспомнила морозные узоры на стекле, получилось красиво.

Барону Алеку не будет стыдно за невесту. Покрывало – тончайшая вуаль. Из хлопка. Бланка вовремя вспомнила, что шёлк и бархат разрешены только баронам. Ну и баронесам, конечно же! Простому сословию – хлопок и лён. Иначе – казнь. Но серебряную оторочку я таки сделала на вуали. Это же покров невесты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.